

Лара
Дивеева

ТОТ, КТО МЕНЯ
ВЕРНУЛ

18+

Чёрное

Лара Дивеева

Тот, кто меня вернул

«Автор»

2022

Дивеева Л.

Тот, кто меня вернул / Л. Дивеева — «Автор», 2022 — (Чёрное)

Я бы сбежала от него, но некуда. Я бы отказалась от его помощи, но сама не справлюсь. Он Ад, и этим все сказано. Но именно его руки держат меня на плаву. Я бы сбежала от него, но не хочу. Валерия Леонова – хирург; она умна, талантлива и счастлива. До того дня, когда поворот судьбы разрушает все, чем она жила. Единственная надежда на спасение – незнакомец по прозвищу Ад. Опасный, грубый, непонятный и работающий на мужчину, который разрушил ее счастье. Лере придется строить жизнь заново. Чужими руками. Руками Ада. Понять бы, почему ему не все равно. 18+ Фото на обложке paulmarinis по лицензии shutterstock

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Лара Дивеева

Тот, кто меня вернул

Эта история – вымысел. Все совпадения случайны. Суждения героев не отражают мнения автора. Поступки и решения героев не являются рекомендацией.

Пролог

Сильные пальцы обхватывают лодыжку. От них по голени поднимаются мурашки, под кожей бьется пульс чужого тепла. Неожиданно, странно. Застигнутая врасплох, я замираю, как пойманная птица в руках охотника. Считаю секунды. Три. Четыре...

Может, показалось?

С силой зажмуриваюсь, прислушиваюсь к ощущениям. Не показалось. Незнакомец сидит на корточках за моей спиной, так близко, что кажется, будто тепло его дыхания окутывает мои бедра. Он касается меня без предупреждения, без слов. Его пальцы пробегают по коже, снимают зацепившийся за молнию капрон чулка. Скользящие прикосновения бегут вверх по голени, на секунду задерживаясь, лаская колено. Смазанная, небрежная ласка, поджигающая нервные окончания. Непрошенная близость, выдающая себя за неловкость.

Я прихожу в себя, собираюсь возмутиться, а то и лягнуть нахала, но меня останавливает его голос. Низкий, хриплый. Повелительный.

– Осторожнее, так и упасть недолго.

Бархатный тембр отзывается волнующей дрожью во всем теле.

Мужчина как бы прощально проводит ладонью чуть выше моего колена и поднимается в полный рост.

– Теперь ты в безопасности, – говорит с такой силой и уверенностью, что по моей спине бегут мурашки.

Теперь я в безопасности. Такому голосу невозможно не верить.

Глава 1

Минуту назад моей единственной проблемой было то, что я опаздывала на работу. Зашла в лифт, на ходу расстегивая пальто и гадая, какое наказание придумает начальник, бросила взгляд на стоящего в углу незнакомца – и застыла. Словно молнией прибило к полу. Вроде обычный мужчина, ничего примечательного, кроме взгляда, который охватил меня всю до кончиков волос. Насыщенный, слишком личный взгляд, неуместный в больничном лифте. Давит, притягивает, словно предупреждает, что незнакомец сейчас подойдет ко мне и... Что?

Не знаю, как описать ощущения. Словно отказали ноги, и я сейчас грохнусь на пол горой трепещущего студня. Страх? Нет, не совсем. Предчувствие чего-то неожиданного, острого, всепоглощающего.

Двери закрываются, и тогда я осознаю, что застыла на пороге лифта. Вот же... Шагаю внутрь и демонстративно отворачиваюсь от мужчины, но становится только хуже. Теперь он за моей спиной, и от его пристального внимания становится не по себе. Осязаемый взгляд мужчины, опасного и сильного. Я ощущаю незнакомца так явно, будто он прижался ко мне всем телом. Повожу плечами, пытаюсь стряхнуть его взгляд. Ощущаю себя обнаженной. Уязвимой.

Мне это не нравится, беспомощность не мое амплуа.

В триллерах лифт останавливается с жутким скрежетом, и героиня остается наедине с маньяком. В дамских романах лифт зависает между этажами, и донельзя испуганная девственница падает в объятия мускулистого красавца, богатого и склонного к любви с первого взгляда.

А в моей истории лифт мерно жужжит и не собирается ломаться. Секунды бьются в груди взволнованным пульсом. Мы проезжаем четвертый этаж, пятый. Попутчику на десятый, мне на одиннадцатый. Я слышу его дыхание за спиной. Спокойное, в отличие от моего, сбивчивого.

Он просто едет в лифте, а я...

Незнакомец сбил меня с курса, с дыхания, с мыслей, и я не понимаю почему.

Лифт просторный, и я могу отойти подальше от мужчины. Или могу обернуться, заговорить о погоде. Спросить, кого он навещает в больнице. Погасить искрящееся напряжение парой вежливых фраз и победить мою неуместную растерянность.

Пытаюсь сдвинуться с места, но не могу. Движок молнии ботильона зацепился за чулок, капрон натянулся. Неловко сжимаю ноги, потому что наклониться не могу. Дело не в длине юбки, а в том, что я вообще еле двигаюсь. Понятия не имею, почему незнакомец так на меня подействовал, никогда раньше подобного не случалось. Порой в лифте такая толпа, что на вдохе упираешься грудью в чужую спину, и кто попало на тебя глазеет. Однако меня мало что нервирует, я спокойная. Моя жизнь идет как надо. Я будущий нейрохирург, скоро окончу ординатуру в одной из лучших больниц страны. Наслаждаюсь каждым рабочим днем, только вот сегодня опаздываю. Проспала, но не признаюсь в этом начальству даже под дулом пистолета. Чтобы хирург да проспал... позорище! Сплю, как бревно, вот и проспала, другого оправдания нет.

Мне везет, иначе и не скажешь. Обожаю свою работу – клацанье инструментов, заковыристые шутки хирургов, запах антисептиков, сердцебиение приборов. Каждая операция – маленькое торжество над болезнью. Обожаю! Это мой мир, и я не знаю другого, не знаю и не хочу знать. Я, инструменты, больной – все, что мне нужно для счастья.

Обычно я уравновешенная и адекватная. Без срывов, без характерного для молодых врачей мандража. Поэтому странный паралич в лифте как внезапный хук слева. Не ожидала от себя такой глупости. Чтобы от пристального мужского взгляда пробрало до костей, такого не случалось. Надо собраться с силами, отойти подальше от незнакомца и не загоразивать двери лифта, а то похожа на фанатку, ошалевшую при виде кумира.

Стреноженная чулками, я наконец решаюсь сделать шаг. Крохотный, опасливый, как по канату. В этот момент лодыжки касаются чужие пальцы.

Незнакомец до меня дотронулся? В общественном лифте?

Больше, чем дотронулся. Его пальцы оставляют на коже ласкающий узор, и это слишком. Слишком неприлично, неуместно и... волнующе.

Задержав дыхание, я опускаю взгляд. Рукав белой рубашки без запонок, крупные пальцы, коротко подстриженные ногти. Мужчина обхватывает мою лодыжку и осторожно высвобождает зацепившийся капрон. Нет, не просто высвобождает. Мимолетной лаской касается кожи, защищенной всего лишь тонким капроном. Делится со мной теплом. Шумно выдыхает, щекоча мою и так сверхчувствительную кожу, а потом задерживает дыхание. Собирается убрать руку, но его словно что-то удерживает. Проводит кончиками пальцев по моей голени и не дышит.

А я... Не подобрать слов. Мой мир сузился до точки его прикосновения, до непрошеного тепла его руки. По телу вихрем проносится чувственная буря, которой нет объяснения. И контроля над ней тоже нет. Это сильнее обычной близости, опаснее первой влюбленности. Они были и прошли, не оставив ни шрамов, ни тягучей патоки воспоминаний. А это... и стыд, и предательская слабость в коленях, и неузнавание самой себя, адекватной и предсказуемой.

Это самый интимный момент моей жизни, и он происходит в общественном месте. В лифте.

Такого со мной не случалось никогда. Уж точно не на работе, не в больнице.

Вы когда-нибудь гладили незнакомого человека в лифте? А хирурга в больнице гладили? Нет? Вот и я о чем.

Я должна срочно прекратить это безобразие, вернуть и заново доказать мою хваленую адекватность.

– Осторожнее, так и упасть недолго, – предупреждает незнакомец, и я млею от его голоса. Я. Млею. Ну и позорище!

Не успеваю возмутиться, как он поднимается на ноги и сообщает, что я в безопасности. Посторонний мужчина спас меня от коварно зацепившегося капрона, а я стою, вытаращив глаза, и не могу выдавить даже банальное «спасибо».

Лифт останавливается на десятом этаже, двери открываются, и я вздрагиваю. Будто просыпаюсь от гипноза. Что за чертовщина? Толком не разглядела мужика, а поплыла, как тающий снеговик. Не курю, не пью особенно, стресс не выше обычного, а крыша таки поехала. Говорят, некоторые мужчины могут соблазнить одним взглядом. Меня-то он не соблазнит, но эффект отрицать не стану: основательно торкнуло.

Из задумчивости меня вырывает очередное прикосновение. Незнакомец касается моей талии, сжимает. Его руки медленно сползают ниже, на бедра.

– Что вы себе позволяете?! – Мое возмущение вырывается наружу. Голос хриплый, как после попойки.

– Пытаюсь выйти из лифта.

Ах да, я до сих пор загораживаю двери, а это его этаж.

Незнакомец отодвигает меня в сторону, как предмет мебели, и выходит. Я успеваю заметить усмешку на ничем не примечательных губах. На ничем не примечательном лице.

Выйдя в коридор, он останавливается и смотрит по сторонам, словно пытаюсь вспомнить, куда шел.

– Вам помочь? – спрашивает проходящая мимо медсестра и приветливо улыбается.

Он молчит. Поворачивается в профиль и дотрагивается до щеки. До места, которого касается мой пристальный взгляд. Двери лифта закрываются, и незнакомец поводит плечами, прислушиваясь к тихому скрежету.

Ловлю себя на бешеной мысли: пусть обернется, сунет руку между створками лифта, чтобы они снова открылись, и пойдет обратно.

Только вот зачем?

Двери закрываются, и моя рука тянется к ним. К нему.

И что дальше?

Не спросишь же: почему я так странно себя чувствую? Что в тебе особенного?

После таких вопросов я сама себя сброшу в шахту лифта.

Слегка покачиваясь, лифт отчаливает вверх, прочь от неизвестно чего. И кого.

Случаются странные встречи. Все мысли обломаешь, пытаешься понять, в чем дело. Вдруг это судьба, вдруг предупреждение, вдруг еще что... Твоя так называемая вторая половинка.

На самом деле скрытого смысла в таких встречах кот наплакал. От усталости и не такое привидится. Нечего зависать на ерунде, лучше заняться делом. Вторых половинок не бывает, уж я-то знаю!

Верьте мне, я хирург.

Не сводя глаз с начальства, Пашка протягивает мне половину круассана в помятой салфетке.

– Тебе капец! – говорит одними губами.

И без него знаю, что капец. За опоздания у нас чуть ли не четвертуют, а я даже передеться не успела. По пути в ординаторскую наткнулась на обход. Заведующий окружен свитой, ординаторы кучкуются вокруг, и теперь всё внимание сосредоточилось на мне. Не пройти и не скрыться. На фоне белых халатов моя красная блузка как провокация, как красная тряпка для быка. А у меня еще и пальто в руках.

Заметив меня, заведующий в предвкушении потирает руки, готовясь смешать меня с землей, а то и чем похуже.

– Надеюсь, вы выпались, Валерия Михайловна? Судя по внешнему виду, вы собираетесь на вечеринку или только с нее возвращаетесь. Не смеем вас задерживать!

– Прошу прощения за опоздание, Ярослав Игоревич, это больше не повторится.

Ординаторы перешептываются, пытаюсь угадать мое грядущее наказание. Заведующий скрещивает руки на груди и ждет. Надеется услышать от меня жалкое вранье – автобус перевернулся, ключ сломался, дверь заклинило. Мои оправдания нужны ему как материал для насмешек. Однако я молчу и этим раздражаю его еще сильнее.

– Вы правы, Валерия Михайловна, это действительно больше не повторится, потому что безалаберным и ненадежным не место в этой больнице. – Ярослав Игоревич добавляет пару нелестных комментариев о моем непрофессиональном настрое и внешнем виде и завершает многообещающим: – Разберусь с вами после обхода!

Остальные ординаторы смотрят на меня со смесью сочувствия и злорадства. Не подумайте дурного, они хорошие люди, просто у нас так принято: каждый день кто-то принимает удар на себя. Сегодня я, завтра они. Этой тренировки характера не избежать, таков уж мир сильнейших. Мы рискнули подписаться на профессию, которая не допускает слабостей, а это значит, что мы притворяемся сильными. Самыми-самыми. Каждый божий день.

После обхода меня ждет разнос. Полный. Перечисление всех моих грехов, нотации, а потом все вернется на круги своя. В качестве наказания получу дополнительные задания, и заведующий не возьмет меня ассистировать, что обидно. Ординаторы сражаются за возможность ассистировать лучшим хирургам на самых интересных операциях. Выигрывает удачливый или тот, кто слышит будильник.

– Ступайте, Валерия Михайловна, а то вы смущаете нас своими нарядами! – издевается заведующий. – Зачем вам быть нейрохирургом? Найдите профессию попроще! Представьте, как хорошо будет: сможете наряжаться, а не носить скучные хирургические костюмы. Будете

спать до полудня. Отрастите ногти подлиннее, сделаете маникюр... – ядовито усмехается, довольный своей фантазией.

Ярослав Игоревич всегда такой. Острый на язык, беспощадный. Говорит, что с ординаторами по-другому нельзя, иначе разболтаемся. Не знаю, правда это или нет, но сейчас не время спорить с начальством.

– Всего хорошего! – Он машет рукой, повелевая мне удалиться.

Делаю шаг в сторону ординаторской, но Пашка хватает меня за руку и яростно трясет головой.

– Умоляй! – шепчет, корча невыносимые рожи.

Что-то происходит, иначе он не стал бы так рисковать. Когда ординатора втаптывают в грязь, остальные стоят в стороне, а то забрызгает. Должна быть уважительная причина, чтобы вмешаться и подставить себя под удар.

Умолять при всех – противное дело, но я доверяю инстинктам и слушаюсь совета Пашки. Не могу сказать, что мы друзья, но нечто подобное. Наши отношения основаны на отсутствии конкуренции, а в среде ординаторов это почти дружба. После окончания ординатуры Пашка собирается вернуться в родной город, поэтому не борется за шанс остаться в клинике Ярослава Игоревича. А я борюсь всеми силами, стараюсь и надеюсь. Хочу и дальше работать под руководством великого, талантливого, хотя и несколько эксцентричного нейрохирурга.

Делаю глубокий вдох и начинаю умолять. Низменно.

– Ярослав Игоревич, я готова понести любое наказание, только позвольте присоединиться к обходу. Очень сожалею, что опоздала...

Мне действительно стыдно, поэтому я искренне извиняюсь и намекаю на крайне уважительную причину, которую пока что не придумала. Довольный моей капитуляцией, Ярослав Игоревич ухмыляется и царственным кивком позволяет остаться. Дело не в доброте душевной и уж точно не в мягкости характера, а в том, что за мой грех ему дозволяется меня третировать. А это он любит.

Я оборачиваюсь и с мольбой смотрю на знакомую медсестру. Та понимает без слов: забирает мое пальто и приносит запасной белый халат. Важный секрет для молодого врача: хотите достичь успеха – дружите с медсестрами. Именно они правят этим миром.

Скорее бы узнать, ради чего я умоляла заведующего. Ничего необычного не происходит, и Ярослав Игоревич глумится надо мной, не переставая, в присутствии медсестер, больных и их родственников. Снова и снова рассказывает о моем опоздании, причем сам придумывает причину. Якобы на вчерашней вечеринке я слишком много выпила и подцепила известного футболиста, поэтому и проспала. Вымысел от и до, конечно. Почему именно футболиста? Понятия не имею. Эта выдумка – очередное испытание характера. Ярослав Игоревич использует ее не в первый раз, с вариациями – хоккеисты, миллионеры, мафиози.

– Валерия Михайловна надеется выйти замуж за богатого футболиста, чтобы сидеть дома и не работать, – на полном серьезе объясняет он озадаченным слушателям, не знакомым со своеобразным юмором хирургов. – Отрастит ногти, будет целыми днями развлекаться и жить в свое удовольствие. У вас нет знакомых футболистов? – всерьез спрашивает он окружающих. Те с любопытством смотрят на мои ногти – короткие, конечно, хирургу иначе никак, – потом качают головой и улыбаются, искренне желая мне удачи в поимке жениха.

– Что ж, будем надеяться, что вчерашний футболист ей позвонит! – тяжело вздыхает Ярослав Игоревич, переходя в следующую палату.

А я молчу. Третирования заведующего надо пережить, любое другое поведение его только раззадорит. Ярослав Игоревич любит испытывать выдержку молодых врачей и получает от этого просто патологическое удовольствие. Скажу честно: мне повезло. По сравнению с другими перлами заведующего, гулянка с футболистом – это пустяк. Недавно Пашка подцепил жуткий грипп и неделю провалялся в постели. Вместо сочувствия он получил от Ярослава

Игоревича особый сюрприз: тот объяснил его отсутствие тем, что Пашка женился. У бедняги ушел целый месяц на то, чтобы вернуть подарки.

Ярослав Игоревич – эксцентричный мужчина, на плечах которого слишком тяжелая ноша. День за днем он балансирует на грани между чьей-то жизнью и смертью и ведет за собой коллег и ординаторов. Такая невероятная ответственность порой портит характер. Этим все сказано.

Мы собираемся подняться на следующий этаж, когда заведующий отвлекается на звонок.

– Да-да, и как? Везите скорее, и так уже потеряли уйму времени! У нас все готово, и операционная тоже. Да знаю я, кто он, не волнуйтесь вы так! Охрана и так везде спует, под ноги лезет.

Договорив, заведующий оборачивается и смотрит на меня. В упор.

Из этого я делаю два моментальных вывода. Первый – Пашка заставил меня извиняться, потому что к нам на операцию везут сложного и интересного больного. Второй вывод – самоотверженный поступок приятеля мне не поможет. Заведующий если и позовет кого-то из ординаторов ассистировать, то уж точно не меня.

Окружающие тоже прислушиваются к разговору заведующего и настораживаются, гадая, кого он выберет. У нас есть расписание, но на экстренные операции, которые заведующий берет на себя, молодежь приглашают редко, и четких правил нет. Ярослав Игоревич – великий нейрохирург, поэтому немудрено, что большинство ординаторов его боготворят, несмотря на дурной нрав. Для нас он идол. Бог. Слепок великого будущего. В детстве я разрезала стебли одуванчика и показывала родителям белую «кровь» внутри. «Оперировала» на грецких орехах, притворяясь, что это мозг. Кромсала картофелины деревянными щепками, обсуждая сложные случаи с моим преданным, хотя и ленивым ассистентом – котом по имени Пухлик. Я родилась хирургом, и с годами мечта только окрепла. В тот день, когда я впервые увидела человеческий мозг, мечта получила точное направление. Нейрохирургия.

Это мое счастье. Вершина существования. Истинная мечта может быть только такой – всепоглощающей.

– Степанида Олеговна продолжит обход, – объявляет заведующий. – К нам из области везут молодого мужчину с артериовенозной мальформацией спинного мозга и кровоизлиянием с неврологической симптоматикой. Валерия Михайловна, вас прошу следовать за мной!

Нетрудно догадаться, что сейчас произойдет. Заведующий подразнит меня, расскажет про сосудистую мальформацию и грядущую операцию, а потом отправит восвояси, чтобы я прочувствовала, какой возможности лишаюсь. Это наказание заслужено, ведь я действительно проспала.

– Удачи! – шепчет Пашка с почти искренним сочувствием.

Надо поблагодарить его за то, что пытался помочь. Не подумайте, он бы никогда не пропустил меня вперед, но сегодня он занят, а раз сам не может оперировать с Его Хирургическим Величеством, то решил помочь подруге.

– А из ординаторов кого-нибудь возьмете? – раздается женский голос, полный затаенной надежды.

Глянув на девицу поверх очков, Ярослав Игоревич раздраженно выдыхает.

– Так взял уже, что вам не ясно? Валерия Михайловна идет со мной.

Я?! Он выбрал меня?!

Как будто не было опоздания, унижения и обещанного наказания. Когда речь идет о благополучии больного, игры прекращаются.

Под коллективный вздох собравшихся Ярослав Игоревич подталкивает меня к лестнице и бежит вниз на десятый этаж почти вприпрыжку. Ему пятьдесят с хвостиком, но он в потрясающей форме. Не ходит, а бежит, и при этом разговаривает, не задыхаясь.

– Значит так, Леонова, слушай сюда! – Один на один Ярослав Игоревич становится совершенно другим человеком. Никаких заскоков, дурацких сплетен и мучений. – С завтрашнего дня начинаешь новую жизнь. Каждый день будешь вставать в пять утра, делать пробежку, интервальные нагрузки. Потом холодный душ, плотный завтрак – и на работу. Поняла? Никаких поблажек и критических дней. Еще раз опоздаешь, не посмотрю на характеристики и успехи. Многообещающих специалистов знаешь сколько? Пруд пруди. Хочешь остаться в этой клинике, будь лучшей во всем. Вопросы есть?

– Вы меня накажете?

– Ну что за детский сад! – Поморщившись, заведующий пропускает меня в свой кабинет, дверь оставляет открытой. – Сделаешь мне слайды для лекции, чтобы тонус не теряла, но это не главное. Я тебя серьезно предупреждаю, задумайся о будущем! У тебя руки хирурга, Леонова, я сразу это заприметил. Увидел перед собеседованием, как ты бублик резала. Движения такие, словно ты с детства оперировала. И работаешь отлично, ни одного лишнего движения. Но расслабляться не смей! У тебя талант, но другие возьмут старанием и напором. Обскачат тебя в два присеста. Никаких опозданий и промахов, поняла?

– Да.

– Повтори!

– Никаких опозданий и промахов, Ярослав Игоревич! – обещаю с истовым рвением.

Заведующий включает компьютер и садится в кресло, нетерпеливо постукивая пальцами по столу.

– Хочешь остаться в больнице после завершения ординатуры?

– Очень! – отвечаю странно писклявым голосом.

Что за напасть!.. Хирурги не пищат, но радость душит меня, меняет голос.

– Очень хочу! – поясняю вдвое громче необходимого, чтобы Ярослав Игоревич уж наверняка расслышал.

Меня распирает от эмоций. Сегодня уж очень странный день. Сначала непонятный мужчина в лифте, потом опоздание и унижение, а теперь – невероятные откровения заведующего. Я и не подозревала, что он меня заприметил. Такие разносы устраивает, что хоть на луну вой, а оказывается, видит во мне талант. Вот так бывает: ешь себе свой бублик, а кто-то наблюдает и делает выводы.

– Леонова, не зависай! Уже небось примеряешь на себя мою должность? Знал же, что нельзя тебя хвалить, сразу звездная болезнь началась. О нашем разговоре никому ни слова, поняла? Если остальные узнают, что я предложил тебе место, то перестанут стараться.

– Да я никогда...

– Все вы «никогда», а потом только и делаете, что болтаете. Лучше поговорим об операции. – Недовольно фыркнув, Ярослав Игоревич разворачивает ко мне экран. – Вот, смотри, прислали МРТ спинного мозга. Молодой мужик попал в аварию, переломов нет, но тряхнуло изрядно и с последствиями. Что видишь?

Я с готовностью раздражаюсь потоком объяснений. Пациенту крупно не повезло. Сосудистая мальформация могла быть случайной находкой, но из-за травмы произошло кровоизлияние и больного парализовало.

– Что будем делать? – Ярослав Игоревич испытующе смотрит на меня поверх очков.

Объясняя ход операции, я случайно бросаю взгляд в сторону коридора и замираю. Палец прилипает к экрану, замешательство подступает к щекам горячей волной.

Пристальный взгляд незнакомца из лифта. Странно, что я не заметила его раньше. Он вышел на десятом этаже и до сих пор здесь. Стоит, прислонившись к стене, и смотрит прямо на меня. Это отвлекает. Смущает. Тревожит. Он не слышит, о чем мы говорим, но не сводит с меня глаз.

Интересно, кого он навещает? Жену – не иначе.

Прищурившись, он делает шаг в направлении кабинета. Приближается, и я не могу понять, то ли он собирается со мной заговорить, то ли просто присматривается. Подходит к двери, обводит взглядом кабинет, смотрит на Ярослава Игоревича, на книжные полки, на экран компьютера. Снова поворачивается ко мне и застывает, не мигая и ничем не объясняя свое присутствие. По ногам бегут мурашки, там, где касались его руки.

Нормальные люди так не пялятся. Это неприлично.

– Что там такое? – ворчит Ярослав Игоревич, поворачиваясь к двери. – Вот же, принесла нелегкая! Больного еще не привезли, а больницу наводнила охрана. Вечно возня с этими олигархами! Я объяснил, что на этаж его привезут через пару дней после операции, не раньше. Так нет же, не слушают, снуют повсюду. Превратили больницу в проходной двор, чуть ли не в операционную лезут.

Раздраженно бурча, заведующий поднимается с места и закрывает дверь.

Значит, незнакомец из лифта – один из охранников больного, которого везут к нам на операцию. Строгий темный костюм, белая рубашка, пристальное внимание ко всему вокруг, взгляд весом в две тонны, не меньше. Все сходится. Получается, он осматривал кабинет, а не пялился на меня. Я должна радоваться этому факту, но вместо этого думаю о том, что мы снова увидимся у постели больного. Внутри зарождается странное предвкушение, горячее и необъяснимое.

– Так что там с операцией? Договаривай! – ворчит Ярослав Игоревич.

В тот же момент я забываю об охраннике. Повернувшись к экрану, отбрасываю неуместные мысли и продолжаю объяснения.

– Ладно, ладно, хватит! – усмехается заведующий, выслушав сбивчивый рассказ. – Всегда-то ты у нас готова, как пионерка. Надеюсь, больного скоро привезут, а то они и так задержались. После аварии он потерял сознание и долго приходил в себя. Хорошо хоть в местной больнице сделали нужные снимки. Случай очень сложный, поэтому везут к нам. С каждой потерянной минутой прогноз ухудшается и шансы на восстановление... сама понимаешь. Так что ждем-с.

Поднявшись, он достает из холодильника йогурт. Открывает и с аппетитом слизывает с ложки сладкую вишенку. На половинке круассана долго не продержишься, но мне не до еды. Ярослав Игоревич берет меня на операцию, да еще на какую!

Сцепив холодные пальцы в замок, я с трудом сдерживаю обуревающую меня радость.

Заведующий доедает йогурт, достает еще один и смотрит на меня. Прижав ладонь к животу, я пытаюсь заглушить голодное урчание.

– Так и не признаешься, что умираешь от голода? – усмехается Ярослав Игоревич. – Думаешь, я не видел, как ты пряталась за спинами и доедала булочку своего приятеля?

Протянув мне йогурт и чистую ложку, он отворачивается и устало массирует шею.

– Думаешь, я совсем не человек? Иногда я суров, но с вами по-другому нельзя. Если я не научу, жизнь замучает.

– Вы ш-шп्राведливый! – заверяю я, заглатывая вишенки целиком.

– Не подлизывайся, Леонова! Все, хватит болтать! Пойдем посмотрим, может, больной уже в приемном. Надеюсь, он крепкий орешек.

Мы не идем, а бежим, потому что у Ярослава Игоревича есть только одна скорость – сверхчеловеческая.

В приемном покое околачиваются четверо мужчин грозного вида. Черные костюмы, тяжелые взгляды, словно из фильмов про мафию. Бахилы на ногах, небрежно наброшенные

белые халаты выглядят смешно и странно. Обычно сюда посторонних не пускают, а тут – малое войско.

– Привезли? – спрашивает Ярослав Игоревич одного из амбалов, и тот отрицательно качает головой. – Тогда что вы здесь делаете? Вам не место в приемном покое! – Заведующий строго смотрит поверх очков. Он худой, жилистый, зато на голову выше охранника. Тот невысокий, но в плечах широкий, как шкаф.

Какое-то время они смотрят друг на друга, пристально, напряженно, потом охранник складывает руки на груди, показывая, что уходить не собирается. Ишь ты, неговорливый.

Борьба взглядов длится не больше минуты.

– Это больница, и здесь вы выполняете мои приказы. – Голос Ярослава Игоревича вроде как тихий, но тон такой, что мороз по коже. – У вас было достаточно времени, чтобы все проверить. Дождитесь за дверью. После осмотра больного повезут в операционную, вас туда не пустят.

Глядя на Ярослава Игоревича в упор, коротышка неохотно отдает приказ.

За охраной забавно наблюдать, как будто в больнице идут съемки боевика. Амбалы неторопливо меняются местами, осматриваются, переговариваются по рации. Как будто в коридоре приемного покоя, под каталкой может прятаться смертельный враг. Потом трое уходят, а коротышка остается. Смотрит на заведующего с вызовом и прогуливается по коридору.

Бормоча ругательства, Ярослав Игоревич уходит прочь.

– Как зовут нашего пациента? – спрашиваю вслед начальственной спине.

– Седов.

Мне это имя ни о чем не говорит, а ведь он явно большая шишка, раз вся больница из-за него стоит на ушах.

На посту я получаю нужную информацию. Станислав Седов, тридцать семь лет. Автомобильная авария. Аллергия на пенициллин...

– Игоревич позвал тебя ассистировать? – Проходя мимо, знакомый ординатор хлопает меня по плечу. – Повезло же тебе! Говорят, интересный случай. Удачи, Лера!

– Спасибо!

Поднимаю взгляд, и по плечам тут же спускается волна мурашек. Тревожных, странных. Ко мне направляется незнакомец из лифта. Решительно так направляется и смотрит исподлобья. Суровое лицо, темный пиджак перекинут через руку, уверенная походка. Проходя мимо коротышки охранника, что-то ему говорит, и тот внимательно оглядывает коридор. Вокруг никого, и мне это очень не нравится.

Незнакомец подходит вплотную и, безжалостно вцепившись в мое плечо, приказывает:

– Пойдешь со мной!

Что?!

Из-за угла выходит медсестра, на ходу что-то записывая, и от этого становится легче дышать. Мы в больнице, здесь медицинский персонал и больные. Не станет же мужик нападать на меня в общественном месте?! У этой дикой ситуации есть свидетели – коротышка охранник, медсестра. Они вмешаются, мне помогут, меня хватятся...

Хотя... вспомнит ли Ярослав Игоревич, что позвал ординатора на такую важную операцию?

– Куда мы пойдем?! Зачем? – Хочу закричать, но почему-то шепчу. От страха перехватило горло.

Бросив на нас рассеянный взгляд, медсестра скрывается в процедурной. Знакомый анестезиолог проходит мимо и знающе подмигивает. Со стороны, наверное, похоже, что мы с незнакомцем обнимаемся посреди приемного покоя. Мне положен выговор за такое поведение, а коллега почему-то подмигивает.

– Веди меня в подсобное помещение, которое редко используют! Надо поговорить! – требует незнакомец, чеканя каждое слово.

– А здесь нельзя поговорить? – Я пытаюсь отстраниться, но он сует мне под нос пиджак, из-под которого торчит рукоять пистолета. Хорошо хоть не дуло.

Теперь понятно: ощущения, которые накатили на меня в лифте, были животным страхом и ничем иным. Передо мной самый настоящий бандит, вооруженный. И теперь страх вернулся и превратился в глыбу льда в желудке.

Второй раз за это утро я не чувствую ног и начинаю оседать на пол.

Незнакомец трясет меня за плечи и повторяет приказ:

– Пойдем!

Гнев искажает и без того суровые черты его лица. Я пытаюсь сосредоточиться, прийти в себя, но задыхаюсь от паники. Заметив мои потуги, мужчина наклоняется ближе и фиксирует мой взгляд.

– Клянусь, Лера, я тебя не обижу! – говорит твердо, для пушей убедительности тряхнув пистолетом. Своеобразная клятва на оружии.

Часа два назад он пообещал, что я в безопасности. Эти слова плохо сочетаются с демонстрацией пистолета и с железной хваткой на дрожащем плече. А также с тем, что он успел узнать мое имя.

Осматриваясь, он ведет меня по коридорам. Коротышка охранник уставился на плакат о здоровом питании и как будто не замечает происходящего. Незнакомец прижимает меня к своему боку с такой силой, что в легких не остается воздуха.

– Быстро, Лера! Веди меня в подсобное помещение, куда редко заходят. Где у вас хранятся... я не знаю... оборудование всякое, лекарства.

Лекарства?! Так вот оно что, он наркоман в поисках дозы! Ну, я и вляпалась...

– Что ты ищешь? Морфин? Только идиот рискнет напасть на врача в больнице...

– Какой еще морфин? – Незнакомец прислоняет меня к одной из дверей и, удерживая локтем, чтобы не рыпалась, смотрит сквозь стекло. – Что здесь хранится? Оборудование?

– Да, – нехотя отвечаю, выворачиваясь из его хватки.

– Открывай!

Обернутый пиджаком пистолет подстегивает к послушанию. Не это место, так найдет другое, пустых палат немало. Захлопнув за нами дверь, бандюга хватает с полки несколько упаковок и толкает меня вперед.

– Тебе капельницу поставить? – усмехаюсь я.

Испугана до колик, но все еще не верю, что такая фигня происходит со мной посреди дня в больнице. Похитили в приемном покое, хоть бы кто заметил и пожаловался! Так нет же, все заняты. Слишком заняты, чтобы меня спасти.

– Отойди за стеллаж! – командует незнакомец.

– Какого черта? Ты можешь объяснить, что тебе надо?

– Мне надо, чтобы ты немного отдохнула.

– Охренел?

Подтолкнув вперед, он прижимает меня к стене, и тогда я не на шутку пугаюсь. Все серьезно. Это не игра. Не галлюцинация. Не извращенный способ знакомства. А я-то, дура, все-таки повелась на его гляделки, даже предвкушала нашу следующую встречу. Вот и допредвкушалась!

– Ты сказал, что хочешь поговорить! Что ты собираешься со мной делать?! За что?!

Пинаюсь, проклиная его последними словами, пытаюсь вырваться. С усилием моргаю, чтобы не заплакать. Не станет же он насиловать меня посреди больницы?! Делаю глубокий вдох, готовясь позвать на помощь, но он обхватывает ладонью мое горло, и я давлюсь криком.

– Лера, я не хочу делать тебе больно. Пожалуйста, слушайся меня, будь умницей! Я вынужден это сделать для твоего же блага. Так надо. Поверь!

Вроде мягкие, добрые слова, но в этом мужчине нет ничего мягкого.

Разорвав пакеты, он связывает мои руки и ноги дренажными трубками. Я бы закричала, но вороненый ствол пистолета – действенная гарантия моего молчания. На помощь прибегут медсестры, а я не хочу их подставлять. Кто знает, что этот ненормальный сделает со свидетелями.

– За...зачем ты меня связываешь? – с трудом выдавливаю слова. Гортань сопротивляется правде.

– Не бойся, ничего страшного не происходит, просто я временно убираю лишних людей. *Убирает?! Временно?!*

– Я не лишняя! У меня операция через несколько минут! Я буду ассистировать Ярославу Иго...

– Не будешь! Молчи, Лера, и сиди смирно, иначе нарвешься на крупные неприятности.

– Ладно, если ты не хочешь, то я не буду ассистировать. Уйду куда-нибудь... только скажи, в чем дело?!

Он на секунду отстраняется и окидывает меня задумчивым взглядом. Неужели действительно отпустит? Я притворюсь, что ушла, надену маску и хирургическую шапочку, в которых меня не узнают, и побегу в операционную.

– Уйдешь? Правда?

Заминка – вот что сыграло против меня. Крохотная заминка, секунда, не более. Трепет ресниц в подготовке к обману.

– Конечно, уйду!

Незнакомец мне не верит. Покачав головой, принимает решение не в мою пользу.

– Извини, но придется использовать кляп.

Порывшись на полках и не найдя ничего подходящего, он отрывает и комкает рукав своей рубашки. С легкостью преодолев мое сопротивление, запикивает самодельный кляп мне в рот и завязывает полоской ткани, с силой затянув на затылке. Натянув пиджак на растерзанную рубашку, оглядывается на дверь.

– Лера, слушай внимательно! Ты в безопасности. Сиди спокойно и не дергайся, тебя скоро выпустят. Я бы и сам проследил, но мне срочно надо уехать. Все будет в порядке, только наберись терпения. Поняла?

Нет. Ничего я не поняла.

Дождавшись тишины в коридоре, незнакомец уходит, оставляя меня связанной на полу темной комнаты. С кляпом во рту. Он связал меня, потом проследил, чтобы я села поудобней, и только тогда привязал меня к стеллажу. И напомнил, что все будет хорошо. Жестокость и забота в одном безумном коктейле.

Секунды пульсируют в висках головной болью. Застоявшийся воздух заполняет легкие. Кто меня выпустит? Когда? Сюда заходят редко и только те, кому положено знать код на двери. К тому времени, когда меня найдут, я успею сойти с ума или, что еще хуже, пропущу операцию.

Из коридора доносятся шаги, разговоры, смех. Я вою, дергаюсь, пытаюсь привлечь внимание, но все попусту. Тогда я заставляю себя успокоиться и сосредоточиться на кляпе. Коплю слюну по капле, жую жесткий хлопок, сглатываю привкус крахмала. Трюсь затылком о стеллаж, стараясь сдвинуть узел.

Мне удастся. Кажется, проходит вечность, но я сдвигаю повязку, которая удерживала кляп. Хорошо бы разобраться, кто сейчас в коридоре, а то позову на помощь и нарвусь на коротышку охранника. Он наверняка обо всем знает, мой мучитель его предупредил. Избавился от меня, видите ли! Силы в нем немеряно, вооружен и опасен. Утром он ехал на десятый этаж, потому что там расположены VIP-палаты. Осмотрел этаж заранее, зная, что больного

отправят туда после операции. А теперь он «убирает» подозрительных людей. Хорошо хоть не отстреливает!

Сколько времени прошло? Не знаю. Только бы успеть на операцию.

За дверью шаги, тяжелые, громкие. Несколько человек, почти в ногу. Молчи, Лерка, не глупи, вдруг это охрана вернулась.

Снова шаги – полегче, побыстрее. И смех, женский. Понять бы, кто это, но по смеху узнать трудно.

– Эй! Зайдите, пожалуйста, мне нужна помощь!

Из-за двери доносится опасливое: «Чего?»

– Я Валерия Леонова, врач! Помогите мне, пожалуйста!

Мне несказанно везет. Если бы зашел кто-то опытный и разумный, разборки заняли бы невесть сколько. Вопросы, показания, поиски мужчины, который меня связал... Но ко мне заходит испуганная девчушка, санитарка. Увидев связанную меня, она готовится заорать во все горло, но я быстро с ней справляюсь. Придумываю слезную историю, типа это месть моего бывшего парня, и уговариваю ее не звать на помощь и не болтать, а то, дескать, меня уволят. Как ни странно, девушка мне верит. Перспектива моего несправедливого увольнения пугает ее намного сильнее, чем вид связанной жертвы, поэтому она приносит ножницы, разрезает мои путы и обещает молчать о случившемся.

И я оказываюсь на свободе.

Я должна вызвать если не полицию, то хотя бы больничную охрану. Должна, но... не вызываю. Никому не рассказываю о случившемся. Говорят, быстрые решения самые правильные. В моем случае судить рано, время покажет, но думаю я только об одном: об операции. Причем не какой-то, а самой главной в моей жизни. Меня ждет больная и не только. Решается мое будущее, моя карьера. Ярослав Игоревич выбрал меня, но предупредил, что не потерпит промахов. Я и так сегодня опоздала, а если не явлюсь на операцию... об этом даже думать не хочется.

Да, я должна сообщить о случившемся, но сейчас мне не до этого. Да и что я скажу? Толком не запомнила незнакомца и уж понятия не имею, чем я ему не понравилась. Может, он хотел, чтобы больного оперировали только убеленные сединами эксперты, вот и убрал молодняк. Да и что я предьявлю в качестве доказательств? Чье слово возымеет больше веса – мое или охранника драгоценного олигарха?

Кстати, незнакомец сказал, что уезжает, так его и не найдут. В соседних помещениях никого нет, значит, изолировали только меня, самую подозрительную. После операции я обо всем подумаю и решу, куда заявлять, как и зачем.

С этими мыслями я спешу в операционный блок.

Мне снова везет, несказанно. Слишком занятый подготовкой к операции и осмотром пациента, Ярослав Игоревич почти не заметил моего отсутствия.

– Хватит копать! – бурчит, отступая от раковины и проходя в операционную. Рядом с ним первый ассистент.

Под маской не видно моего истерзанного кляпом рта и красной полосы на щеках. Страх рассеялся, и я спокойна, как никогда. С мерзавцем, который меня связал, разберусь потом, по-крупному. Пожалуюсь Седову, что один из его охранников принял меня за подозрительную личность, связал и запер.

А пока...

Разминаю затекшие руки и забываю о происшедшем. Мерзавцев много, а меня больной ждет на операционном столе. Да и Ярослав Игоревич следит за каждым моим движением. Словно экзамен сдаю.

Привычный метроном сердцебиений, всхлипывание приборов, стерильное полотно под руками. Под ним Станислав Седов, доверивший нам свою судьбу. Молодой мужчина, у которого, в отличие от меня, сегодня очень неудачный день.

Еще ни капли крови, только яркий свет и запах человеческой надежды. Руки приятно зудят от предвкушения, от грядущего танца, заученного, как молитва.

Мы приступаем. Заканчиваются слова, и начинается танец, грациозный, величественный и спасительный. Говорят, хирурги черствые люди, но это неправда. Мы учимся скрывать чувства, долго к этому привыкаем. Но скажу вам по секрету: то, что происходит сейчас под нашими руками, – чистая, незамутненная любовь.

Я хирург. Не женщина, не дочь, не будущая жена и мать. Хирург. У меня только одно ампула. Только одно счастье.

Глава 2

Василий Седов, отец больного и знаменитый олигарх, не находит себе места. В буквальном смысле. Вскакивает, снова садится, хватая себя за редкие, седые волосы. Грязно ругается, не извиняясь. То и дело смотрит на сына, отказываясь верить в реальность происходящего. Существует много слов, которые боишься услышать от врачей. Одно из них – «осложнения». У Станислава Седова парализованы ноги, и восстановление идет очень медленно.

Стаса перевели в VIP-палату, в которой постоянно находится охрана. Вокруг развешены камеры видеонаблюдения, допуск посетителей и охраны открыт в любое время, никаких ограничений. Перефразируя Оруэлла, скажу: все люди равны, но некоторые более равны, чем другие.

– Откуда вообще взялась эта сосудистая мальформация или как там ее?! – возмущается Василий, бескомпромиссный мужчина, привыкший к власти и полному контролю над всем и вся, даже над судьбой. Его распирает гнев, ослепляющий, доводящий до красной пелены перед глазами. Такие люди не выносят ощущения собственного бессилия, не терпят слабостей. – Откуда она взялась, а?! – в который раз настаивает на ответе. – Что за хрень? Стас не в первый раз разбил машину, но никогда такого не случилось. А тут какие-то аномальные сосуды вылезли, да еще началось кровоизлияние. Откуда все это взялось?

– Мы полагаем, что мальформация присутствовала с рождения, но ничем себя не проявляла до аварии. После травмы началось кровоизлияние, такое случается. К сожалению, Станислава Васильевича привезли сюда с большой задержкой, и я предупредил, что шансы на полное восстановление невысоки... – Ярослав Игоревич проявляет недюжинное терпение. Мы уже все подробно обсудили с больным, и не раз, даже снимки показали. По просьбе Стаса заведующий дважды разговаривал с его отцом, но я вижу Седова-старшего впервые.

– Прекратите повторять одно и то же! – кричит Василий, не в силах смириться с участью парализованного сына. – Если Стаса привезли слишком поздно, зачем вы вообще взялись оперировать?!

– Без операции последствия были бы намного более тяжелыми.

– Я вам не верю! НЕ ВЕРЮ! – Василий бросается к Ярославу Игоревичу, трясая кулаками. – С какой стати я должен вам верить? Надо было сразу отправить сына в Германию.

Ничто не выдает эмоции заведующего, он остается спокойным и приветливым. Стоит впереди, остальные чуть сзади. Треугольник вины. Мы старались, действительно старались. Сделали все возможное, но – увы. Если Стас и сможет ходить, то с трудом и после длительной реабилитации.

Мы все сделали правильно. Ярослав Игоревич – гений. Видели бы вы, как он старался! Как *мы* старались. И ведь заранее предупредили больного, что шансы на полное восстановление не шибко высоки. Однако чувство вины – дело колючее. Ударяет в сердце, как игла, и остается там. Как ни старайся, не избавишься. Вдруг я что-то упустила? Вдруг могла что-то сделать лучше? Да-да, лично я. Неважно, ассистент ты или ответственный хирург, каждая операция – это личное.

Стас вяло усмехается и машет рукой.

– Прекрати, отец, а то давление подскочит! Случилось так случилось, я справлюсь. Ярослав Игоревич говорит, реабилитация поможет. Могло быть и хуже, руки-то нормально работают.

Василий удивленно смотрит на сына, не понимая, как его плоть и кровь может быть такой всепрощающей, даже если причиной беды стала сама судьба.

Стас поворачивается ко мне и подмигивает.

– Вот увидите, я встану на ноги. Даже с моим симпатичным хирургом на свидание схожу. Вприпрыжку!

Я позволяю себе крошечную улыбку. Станиславу Седову нельзя не улыбнуться. Бледный, растрепанный, с запавшими глазами и при этом невероятно харизматичный. Авария, операция, плохие новости – а он улыбается и сохраняет оптимизм.

Улыбаясь Стасу, я не сразу замечаю, что Василий Седов сосредоточил хмурый взгляд на мне. Острый взгляд, как выстрел.

– Кто она такая? – спрашивает он Ярослава Игоревича, не желая обращаться ко мне напрямую. – Вот это кто? – грубо тычет пальцем в моем направлении. – Я не видел ее раньше. Вы приходили в палату без нее, да и перед операцией ее не было.

Меня распирает от желания рассказать о причине моего отсутствия перед операцией, но сейчас не время жаловаться на связавшего меня охранника. Каждый день обещаю себе поговорить со Стасом, но потом откладываю, дожидаясь, когда ему станет лучше. Даже Ярославу Игоревичу до сих пор не сказала. Он устроит мне разнос и станет ругаться с Седовыми, а я хочу сама поговорить со Стасом.

Заведующий оборачивается, словно забыв о моем присутствии.

– Валерия Михайловна мне ассистировала. А теперь я бы хотел обсудить с вами реабилитацию...

– Что именно она делала?! Какую часть операции?

– Послушайте, это не имеет значения!

– Для меня – имеет.

Страх, пережитый при нападении незнакомца, не сравнить с ледяным ужасом, сковавшим мое тело, когда из-под кустистых бровей на меня посмотрели пронзительные глаза Василия Седова.

– Валерия Михайловна – наш лучший ординатор, – раздраженно поясняет заведующий. – После окончания ординатуры она...

– Она *ординатор*?? – Седов-старший почти кричит.

– Отец, прекрати сейчас же! – требует Стас усталым голосом. – Отстань от хирургов! Их было несколько, они сделали все возможное, а теперь я хочу поговорить о реабилитации.

Стас снова подмигивает мне, но в этот раз я не улыбаюсь. Слишком осязаема угроза, исходящая от его отца.

– Подожди, сын! Я хочу знать, какую часть операции делала эта... *женщина*.

– Валерия Михайловна не женщина, а хирург! – возмущается заведующий, но меня уже не остановить. Я шагаю прямо к амбразуре, зная, что выстрела не избежать. Мне нечего стыдиться, и я не собираюсь прятаться за спиной начальства.

Глядя в холодные, убийственные глаза Седова-старшего, отвечаю ровным, вежливым тоном.

– Я ассистировала на протяжении всей операции...

– Вы трогали его сосуды? И нервы, и все остальное?!

– Василий Борисович! Хирурги не *трогают*, а оперируют! Вы не вправе допрашивать моего ординатора! Я отвечал за операцию и заверяю вас, что мы сделали все возможное... – Ярослав Игоревич пытается урезонить олигарха, но тот дергает плечом, словно стряхивая его слова.

– Она не имела права касаться моего сына...

– Прекрати! Сию! Минуту! – кричит Стас, гневно глядя на отца, но его голос срывается. Морщась, он прикрывает глаза, комкает простыню в кулаке. Остальные замолкают, позволяя ему договорить. – Если тебе нужны виноватые, вини самого себя! Вы с матерью родили меня с этой сосудистой дрянью, а остальное – судьба. Сделай милость, отвяжись от хирургов!

Василий не считает нужным прислушаться к словам сына. Он слишком занят тем, что разглядывает меня. Пристально, с проблесками ярости и бессилия во взгляде. Вроде странное сочетание, но вполне объяснимое. Борьба с судьбой вызывает самые острые и контрастные эмоции.

Я не отвожу взгляд, выдерживаю испытание. Мне нечего стыдиться. Стас прав, виновата судьба.

Однако правда заключается в том, что в таких ситуациях себя ты винишь в первую очередь. Сомнения, как вирусы, вторгаются в твои мысли и остаются навсегда. Все ли я сделала правильно? Достаточно ли быстро? Ловко? А что, если... Неудачи оседают в памяти, и я помню каждую из них, наизусть, до секунды, в красках. Все случаи, когда мы хотели сделать невозможное, но у нас не получилось.

– Василий Борисович, позвольте объяснить еще раз! – Ярослав Игоревич теряет терпение, но снова повторяет отчет об операции.

Седов-старший моргает, разрывая наши сомкнутые взгляды, и отступает к окну. Смотрит на свои ноги, на лакированные ботинки в больничных бахилах. Как будто сравнивает себя с парализованным сыном. Внезапно выглядит постаревшим, сгорбленным, словно осознание случившегося осело на его плечи.

– Стас – мой наследник, – говорит с таким нажимом, словно это признание несет в себе силу изменить ситуацию. – К сожалению, он мой единственный ребенок.

Это звучит странно, будто Василий волнуется о сыне только потому, что других детей нет. Заведующий поворачивается к больному.

– Станислав Васильевич, вы молодой, энергичный мужчина, так что будем надеяться на лучшее. Реабилитация вам поможет.

– Вы не понимаете! – вклинивается Седов-старший. – Я должен передать сыну управление бизнесом, поэтому сейчас самое неподходящее время для всего этого.

Нетерпеливый жест обозначает случившуюся со Стасом беду как досадную неприятность, помешавшую отцу вершить грандиозные планы.

Стас насмешливо наблюдает за родителем, бездушие которого явно не является для него сюрпризом.

– А как насчет... – Василий морщится и, зыркнув на меня, демонстративно поворачивается к заведующему, исключая меня из разговора. – Как насчет мужской сферы? – спрашивает сквозь сжатые зубы. – У Стаса должны быть дети. Мальчики, чем больше, тем лучше. Через год, не позже.

Слышали бы вы категоричность его тона!

Мальчики. Чем больше, тем лучше... Представляю, как Стасу выбирают жену, словно речь идет о древней королевской династии. Вспомнился Генрих VIII, английский король, менявший жен в надежде найти ту единственную, которая родит ему сына. Хотя нет, не сына. Несколько сыновей, причем одновременно и не позже чем через год.

Ярослав Игоревич с трудом сохраняет невозмутимость. Василий Седов выводит его из себя, это очевидно. Стас не выглядит удивленным словами отца, только щурится и хмыкает.

– Да уж, вот вопрос – смогу ли я подарить отцу армию внуков? Отличная тема для обсуждения!

Ярослав Игоревич отвечает тихо, сдержанно. Обращается только к больному.

– Давайте договоримся так: я зайду попозже, и мы с вами обсудим все оставшиеся темы. Наедине. А еще я пришлю отличного специалиста...

– Я отправляю сына в Германию! Там ему будет и лечение, и реабилитация, – встречает Василий.

Ярослав Игоревич пожимает плечами. Он уже высказал свое мнение о том, что перевозить Стаса слишком рано, но спорить больше не станет.

Я ощущаю вздох Василия как свинцовую тяжесть. Словно он переложил на меня часть своего отцовского горя. Он устало потирает лицо, открывает дверь палаты и говорит:

– Итак, будем готовиться к реабилитации.

– Да. – Ярослав Игоревич кивает, ошутимо радуясь завершению сложного разговора.

В палату заглядывает охранник, ждет распоряжений.

– Ад звонил? – спрашивает Василий.

– Мне не звонил. Наверное, занят у невестки... по поводу брата.

– Он хоть нормально долетел?

– Уехал в аэропорт перед операцией и с тех пор не звонил.

– Мне нужно с ним поговорить. Срочно!

Мы прощаемся, собираемся уйти, но олигарх внезапно поворачивается ко мне, несколько томительных секунд изучает мое лицо, словно выискивая изъян, к которому можно придраться.

– А вы как думаете, Ва-ле-ри-я Михайловна? Какой прогноз вы дадите моему сыну?

После операции я много что услышала о семье Седовых, медсестры на посту щедро поделились информацией. О Василии ходят самые разнообразные слухи, от некоторых аж мурашки по коже. Его официальный бизнес – сеть ювелирных магазинов. О неофициальных много чего говорят. В каких только преступлениях его не подозревают, не поймешь, где правда, где ложь. Скажу одно: у Василия Седова совершенно уникальные глаза. Змеиные. Взгляд кобры. Вроде я взрослая, уверенная в себе женщина, а стою парализованная его взглядом, даже рот приоткрыла. И молчу. Второй раз за сегодняшний день распадаюсь на части от силы мужского взгляда. Только в этот раз ощущаю чистый, неразбавленный страх.

– Валерия Михайловна, вы расслышали вопрос? – Заведующий хмурится.

Моргаю, пытаюсь сосредоточиться. Но взгляд олигарха держит меня, как нити марионетку, и если не захочет, то не отпустит.

С трудом пробуждаю свой голос, откашливаюсь.

– Слишком рано об этом судить. Через пару дней мы сможем определить точнее, – отвечаю. Хриплый голос царапает гортань.

– А что говорит ваша интуиция? – спокойный, даже уважительный тон вопроса.

– Как сказал Ярослав Игоревич...

– Нет, Валерия Михайловна, я спрашиваю о *вашей* интуиции. Не стесняйтесь! – настаивает Седов-отец в форме вежливой угрозы. Незаслуженной.

Моя интуиция требует, нет, настаивает, чтобы я сменила имя, покинула страну и никогда больше не встречалась с Василием Седовым. От его змеиного взгляда отказывают мозги, и необъяснимая паника заползает внутрь, сковывая тело и мысли. Что он за человек такой, если способен парализовать одним взглядом?!

Собравшись с силами, я демонстративно поворачиваюсь к Стасу и улыбаюсь.

– Молодой, тренированный организм способен на многое. Станислав Васильевич, вы неординарный человек. Я наслышана о ваших спортивных достижениях, поэтому знаю, что вы приложите все силы к выздоровлению и добьетесь своего.

Не уверена, что нелегальные ночные гонки на дорогих машинах можно считать спортом, но вот такой прогноз я даю Станиславу Седову. Говорю нарочито бодро с почти незаметной долей фальши. Почти незаметной, для всех, кроме Василия Седова. Мои слова отражаются на его лице гримасой боли.

– Хорошая у вас интуиция, добрая. – Он отворачивается, постукивая костяшками пальцев по оконному стеклу. У него на удивление узкая спина и худые плечи, а вот внутренней силы немерено.

Обернувшись, он снова окидывает меня тяжелым взглядом.

– Мне бы такую интуицию!

– Я устал! – объявляет Стас, положив конец нашей беседе. Договорившись о следующей встрече, мы покидаем палату.

– Неприятный человек этот Василий, – говорит Ярослав Игоревич, когда мы заходим в его кабинет.

– Так у него и репутация неприятная, – соглашается коллега, который был на операции первым ассистентом.

Мы пьем чай, говорим ни о чем, потом заведующий вздыхает.

– Валерия Михайловна, зря ты с олигархом разговорилась, больше не попадайся ему на глаза. О нем всякое говорят, типа мстит без разбору и славится жестокостью. Еще вроде как женоненавистник. Одна из его жен пропала без вести, а пятая по счету недавно сбежала. Правда или нет, держись от него подальше!

Кивнув, я направляюсь к выходу. Пропускаю первого ассистента вперед, прикрываю дверь кабинета и поворачиваюсь к Ярославу Игоревичу. Присматриваюсь к его усталому лицу, ищу отражение чувств. Не нахожу. Он не из тех, кто фонтанирует эмоциями. Стараются все носить в себе.

– Я никогда еще не видела такой ювелирной работы. Ярослав Игоревич, вы не просто сделали все возможное, вы и невозможное добавили. Каким бы ни был исход, Станислав – ваш должник.

На долю секунды лицо заведующего смягчается, приоткрывая слабость. Тот самый вирус сомнений, что живет во всех нас. Потом он фыркает и машет рукой, выпроваживая меня в коридор.

– Ладно тебе, Леонова, захвалишь!

Я прихожу к Стасу каждый день, осматриваю его, отвечаю на вопросы. Аккуратно выбираю время, чтобы не столкнуться с Василием. Ярослав Игоревич запретил попадаться ему на глаза.

– Незачем его провоцировать. Хочешь стать его шестой женой или снова с ним поцапаться? Нет – так держись подальше. Скоро Стаса отправят в Германию, а пока не маячь перед глазами его отца. Не напоминай о себе.

– Он несправедлив...

– Ле-ра! Я тебя умоляю, не говори глупостей! Какая может быть справедливость, когда речь идет о его больном ребенке?! Пять лет сыну или тридцать семь, не имеет значения. Ребенок – это навсегда, и такие люди, как Седов-старший, переживают особенно сильно. Он привык все контролировать, а тут такая ситуация.

Я и сама это понимаю, но все равно обидно, ведь мы сделали все возможное. Даже Стас это знает. Вообще он отличный мужик. Повеса, любитель дорогих машин и женщин, он искренне наслаждается своей репутацией и не скрывает грехов. Такие, как он, живут на полную катушку и никого не обманывают. Стас мне понравился именно из-за подкупающей честности, а также из-за стального характера, который он унаследовал от отца. Непробиваемая решимость – вот что отличает Седовых. Такие никогда не сдаются. Уверена, что Стас встанет на ноги, причем очень скоро. Раз уж задумал, то сделает. Когда я его навещаю, мы разговариваем не только о его здоровье. О жизни, об испытаниях, о судьбе. При этом, что бы мы ни обсуждали, Стас не перестает старательно двигать пальцами ног. Пытается согнуть колени, напрягает мышцы. Выкладывается по полной. Такие люди добиваются невозможного.

Мы похожи: оба ни на секунду не отпускаем свою мечту.

Навещая Стаса, я разглядываю охранников на случай, если мой обидчик вернется. До сих пор так и не пожаловалась, не рассказала о нападении. Во-первых, не знаю имени обидчика, да и описать толком не могу. Суровый мужик со стрижкой полубокс в темном костюме – вот и

весь словесный портрет. Под это описание подходит любой в охране Седовых. Коротышка тоже пропал, так что спросить некого. Да и доказательств у меня нет, и напоминать обидчику о моем существовании не хочется. Но эти причины не главные. Больше всего я не хочу поднимать шум, так как знаю, что в дело будет вовлечен Василий Седов. А этого я стараюсь избежать любой ценой. При одном воспоминании об отце Стаса все внутри сковывает ледяной паутиной, не вдохнуть.

Считая эту неразумную трусость мудростью, я заношу случившееся в категорию недоразумений. Зарвавшийся охранник решил на время «убрать» молодого врача, оставив Стаса в руках экспертов. Или я просто показалась ему подозрительной, мало ли что бывает. Знал бы Ярослав Игоревич, какое происшествие я от него утаила, прибил бы на месте, это точно. Но я не хочу его подставлять. Что он сделает? Пожалуется Василию Седову? Напомнит ему о существовании подозрительного ординатора? Поссорится с самой влиятельной семьей в городе? Нет, лучше не рисковать. Ничем хорошим это не закончится.

Короче, я заставляю себя забыть о случившемся.

А потом Стаса отправляют в Германию, я даже не успеваю попрощаться и сказать, что восхищаюсь его характером и невероятным оптимизмом.

Однажды я узнаю из новостей, что он встал на ноги. Увижу по телевизору, как он идет к гоночному автомобилю в сопровождении пары красоток. Я в этом не сомневаюсь, как и в том, что судьба больше не столкнет нас лицом к лицу. Слишком неровной была наша первая встреча: я держала в руках скальпель, а он – надежду.

По крайней мере, так я думала, стоя в пустой палате, еще не убранной, со скомканными простынями и засохшими остатками завтрака на подносе.

Кто бы знал, какой подарок приготовила мне судьба.

Меня похищают через две недели после отъезда Стаса, когда я уже и не вспоминаю о случившемся и о семье Седовых. Рассказывать о следующих событиях не хочется. Совсем. Отстранюсь от боли, запрю эмоции и задам один вопрос, который не дает мне покоя: почему, почему, почему я не догадалась о наказании, которое готовил для меня Василий Седов? Почему не предвидела, что он выберет меня козлом отпущения?

Я не заслуживала наказания, поэтому и представить не могла, на какую извращенную месть способна его фантазия.

Все равно, почему же я не догадалась? Остальное не имеет значения. Только этот вопрос мучает меня и будет мучить всегда.

Похищение оказывается прозаичным донельзя. Мужчина приятной внешности подходит ко мне, хромая и опираясь на трость.

– Не могли бы вы помочь моей матери выйти из машины? Мне одному не справиться.

Даже не оглянувшись по сторонам, я спешу на помощь. Не успеваю оттолкнуть чужие руки, как меня затаскивают на заднее сиденье. Трое мужчин в масках против испуганной меня. На сумеречной, вечерней улице свидетелей нет.

Я кричу, бьюсь в руках похитителей. Кусаюсь, пинаюсь. Отчаянно, яростно и бесполезно. Сразу же хрипну от крика. Мужчины удерживают меня без особых усилий. Подождав, пока я успокоюсь, аккуратно пристегивают ремнем безопасности и завязывают мне глаза.

Они не отвечают на вопросы и крики, вообще не разговаривают, хотя в остальном ведут себя вежливо и спокойно.

Интеллигентное похищение.

Меня привозят на заброшенный склад, затаскивают в комнату с низкой кушеткой, деревянным столом и крохотным обогревателем.

– Будешь орать и драться – тебе же хуже будет.

Это первые слова, сказанные похитителями с момента, когда меня затащили в машину.

Потом меня усаживают за стол и кладут передо мной лист бумаги.

– Напиши несколько слов! Быстро! – рявкает один из похитителей.

Я содрогаюсь и невольно вскрикиваю. Отчаяние бьется в горле пойманной птицей.

«Они сделают так, чтобы моя смерть была похожа на самоубийство. Им нужна предсмертная записка», – думаю я и допускаю фатальную ошибку: беру в руку карандаш.

– Что писать? – всхлипываю, заикаясь от дрожи.

– Что хочешь. «Мама мыла раму».

Уже в этот момент можно догадаться, что меня ждет.

Я должна догадаться.

Но увы, я и не подозреваю о том, что держу судьбу в своих руках. Вернее, в руке, в правой.

«Мама мыла раму», – послушно пишу, еле удерживая карандаш.

– Правша, да?

– Да, – отвечаю, не видя подвоха, слишком волнуясь о смерти, чтобы думать о жизни. –

Что вы собираетесь со мной делать??

– Пойдем!

Меня приводят в соседнюю комнату, при виде которой я вскрикиваю так громко, что оглушаю саму себя.

Операционная. Оборудованная наспех, операционный стол больше похож на каталку без колес. Тем не менее здесь планируют провести операцию. Все готово, и к комнате даже приглашается хирург. В хирургическом костюме и маске.

Похитителям никак не удастся взвалить меня на стол. Я извиваюсь, бьюсь, кричу. Ударяю одного из мужчин ногой в живот, и он на время выбывает из дела. Только когда врач вводит мне успокоительное, мужчины умудряются привязать меня к столу. Сквозь лекарственный дурман я отстраненно наблюдаю, как хирург – да и хирург ли он? – готовит мое правое запястье к операции. Он издевается над обездвиженной жертвой, пребывающей в полусознательном состоянии.

Смесь успокоительного и обезболивающего делает пытку мучительней. Кажется, я вот-вот смогу сдвинуть руку, спрятать, спасти ее. Потом ощущения меняются, будто мое тело двигается, а рука лежит на месте. Я словно парю над столом, но ни разу, ни на секунду не отвожу взгляд от операционного поля, на котором умело орудуют затянутые в перчатки руки моего мучителя.

Знаете, что страшнее всего? Он действительно хирург. Опытный. Как он мог пойти на такое? Надеюсь, ему тоже угрожали. Очень надеюсь на это, потому что добровольно согласиться на роль палача может только чудовище.

Он не мстит, а оперирует. Аккуратно, умело, тщательно. Перерезает сухожилия, мурлыча себе под нос рекламу зубной пасты.

– Девица должна жить! – напоминает кто-то.

– Долго и счастливо, – хихикает другой голос.

Маски. Целый ряд масок. Незнакомый голос хирурга. Слова, которые я не понимаю. Или не хочу понимать, не могу впустить в себя.

Этот человек режет мою мечту, кромсает, убивает. Мучительно и безжалостно. Я вижу нежное розовое нутро моей мечты на операционном столе. Промокая хирургическими тампонами ее кровавые слезы, мучитель остается неумолим.

Я не ощущаю боли, только отстраненность и пустоту. Еще я слышу звуки, их я запомню навсегда. Все, что делают с моей рукой, я слышу изнутри себя. Звуки множатся сотнями эхо. Подонок калечит меня, и каждое прикосновение скальпеля гремит во мне набатом.

С каждым перерезанным сухожилием лопается моя жизнь.

Проходят дни. Меня пичкают снотворным, чтобы я не раздражала охрану. Аккуратно проверяют и перебинтовывают руку и ухаживают за мной, как за почетной гостьей. Еда из ресторана – не чета больничной – три раза в день. Сменная одежда. Гора книг и газет, телевизор. Я ничего этого не трогаю. Большую часть времени сплю или обессиленно лежу, глядя в потолок. Однако иногда меня охватывают приступы внезапного неукротимого гнева, и тогда я размазываю еду по полу или швыряю в охранников, пару раз даже попадаю. Всего пару раз, потому что на снотворных особо не покидаешься: перед глазами все плывет и трудно прицелиться.

Василий Седов.

Беспринципный психопат с на удивление тощими плечами. Мужчина, разрушивший мое будущее. Беспричинно.

Он приходит навестить меня через два дня после «операции». Мы словно меняемся ролями, теперь хирургом стал он. Вырезал мою душу и рассек мою жизнь, а теперь явился объявить дальнейший прогноз.

Пододвигает стул и садится передо мной. Я лежу на кушетке на скомканных простынях, нечесаная, потерянная и онемевшая. Пристальным змеиным взглядом Василий высасывает из меня остатки жизни.

– Ты больше не притронешься ни к одному пациенту, – объявляет он.

Крупная муха с зеленоватым отливом ползет по одеялу. Я шевелю коленом, чтобы ее спугнуть. Охранник переступает с ноги на ногу и скучающе смотрит в потолок. Кто становится охранником такого человека, как Василий? Неужели у них совсем нет совести?

– Валерия, ты слышала, что я сказал?

Интересно, сколько сейчас времени? Какое сегодня число? Как только Василий уйдет, я спрошу охранника. С ненормальным папашей разговаривать не стану.

– Хорошо, продолжай молчать, Валерия. Позволь кое-что тебе рассказать. С тобой случилась пренеприятная история. Во время операции ты парализовала моего сына. Да, именно ты виновата в случившемся. Если бы ты не отвлекала Ярослава Игоревича, он бы совершил чудо. Ты и сама это знаешь, поэтому не смогла справиться с чувством вины и порезала свое запястье, чтобы никогда больше не оперировать. Другими словами, ты сама себя наказала. Потом, осознав тяжесть содеянного, ты обратилась за помощью в частную психиатрическую лечебницу. По твоей просьбе психиатр сообщил о случившемся Ярославу Игоревичу. К сожалению, ты отказываешься принимать посетителей. Даже хирурга не пустила и отказалась от операции, так и осталась с порезанными сухожилиями. Заставить тебя не смогли, так как психиатр посчитал тебя вправе принять такое решение. Он скоро тебя выпишет, и ты будешь сидеть дома на больничном. Вот такая история с тобой приключилась.

Слова, каждое на вес жизни. Страшные, невозможные, неудобоваримые...

Я сама себя искалечила? Жуткая выдумка! Безумная фантазия Василия Седова. Сумасшедшая месть всесильного негодяя.

Я никогда еще не была на больничном. Странное ощущение, прежде не испытанное. Да и зачем мне больничный, если я никогда уже не буду хирургом?

Нет. Не думать, не думать, не думать.

– Я отпущу тебя через пару дней, и мы будем с тобой квиты. Не сомневаюсь, что ты побежишь в больницу, тебя прооперируют, но увы... будет слишком поздно. Ты и сама знаешь, что хирургом уже не станешь. Сухожилия заживают долго, особенно после такой задержки. Если бы тебя сразу прооперировали, исход был бы другим. Какая ирония, а?! Ведь Стас тоже пострадал из-за задержки. Вспомни, что ты сказала моему сыну. «Молодой, тренированный организм способен на многое». Это твои слова, Валерия. Чувствуешь иронию?

Слова Седова-отца звучат издали, разносясь в тумане моего сознания неприятным эхом.

Стараясь отгородиться, спрятаться от них, я возвращаюсь в прошлое. В тот момент, когда похититель усадил меня за стол и приказал написать несколько слов.

Я переигрываю свои действия снова и снова.

Я должна была догадаться, что они задумали, и взять карандаш в левую руку. В ЛЕВУЮ РУКУ.

Написать «мама мыла раму» *левой рукой*, ведь я умею. Хирурги хорошо владеют обеими руками, у нас такая работа.

– Ты левша? – спросил бы похититель.

Я бы уверенно кивнула в ответ, тем самым спасая мою мечту.

Предатель-хирург искалечил бы мою *левую* руку, оставляя правую нетронутой.

Если бы, если бы я догадалась притвориться левшой! Сбежала бы в другую страну, поменяла имя... После длительной реабилитации смогла бы оперировать... Если бы.

– Для меня важно, чтобы ты поняла, почему я так с тобой поступил.

Василий Седов придвигается, противно скрипнув стулом, и сжимает мой подбородок ледяными пальцами, пахнущими кожей и деньгами. Заставляет повернуть лицо, чтобы встретиться с ним взглядом. В его глазах черная пустота, из нее можно черпать безумие. Ложками.

– Мой мальчик искалечен, понимаешь? – старательно выговаривает он каждое слово. – Хирурги сделали все возможное, да? А я говорю – нет. Кто знает, чем закончилась бы операция, если бы ты не вертелась у опытных людей под руками, не мешала бы им. Стас мой единственный наследник. Надежда империи, которую я строил годами. Его неполноценность – это крах моих надежд. Понимаешь, Валерия? Поэтому, когда такая наглая вертихвостка, как ты, смеет говорить, что молодой организм способен на многое, и рассуждать о характере Стаса, мне это не нравится. Меня это расстраивает. Понимаешь, о чем я? Ты меня очень расстроила, а теперь справедливость восстановлена.

Василий Седов безумен, но от этого не легче.

Мстительный, беспощадный, несправедливый мужчина, он жаждал отомстить за аварию сына, за свою беспомощность и выбрал меня жертвой. Отомстил судьбе в моем лице. Интересно, знает ли об этом Стас? Хочется верить, что нет.

– На прощание я дам тебе полезный совет, Валерия. Не пытайся идти против меня. Доказать ты ничего не сможешь, но обеспечишь себе еще одну встречу с моими ребятами. Левая рука у тебя в порядке, так что сможешь чистить зубы, одеваться, причесываться. Если не хочешь потерять вторую руку, смиришься с историей, которую я для тебя придумал. Стресс, большая ответственность на работе, чувство вины – вот ты и сорвалась, порезала себя. Сначала не хотела лечиться, но потом передумала, всякое случается. Так всем и говори. Вот заключение психиатра, чтобы к тебе не лезли. Прими мое наказание и не рыпайся. Пойдешь против меня, тогда потеряешь левую руку, а то и что поважнее. А еще мы присмотримся к остальным хирургам в вашей бригаде. Все ясно?

Я и сама не дура, все понимаю. Но меня очень раздражает муха, черная с зеленым отливом. Кружит вокруг меня, словно я падаль. Хотя...

Я и есть падаль.

– Кстати, Стас уже встал на ноги, – говорит Василий, оборачиваясь в дверях. – Здорово, правда?

Глава 3

Меня захлестывает горе. Сжигает. Оглушает. Василий Седов отобрал мою мечту. Все, чем я жила. Высосал из меня жизнь, оставив только бесполезную шелуху.

Как привыкают к горю? Не знаю, потому что оно слоновой тяжестью лежит на моей груди, не давая дышать. К такому не привыкнешь. Погребенная заживо, я не могу справиться с необратимой и полной потерей себя.

Меня поглощает боль. Рука горит факелом боли, днем, ночью, с обезболивающими и без. Но знаете что? Физическая боль – это ничто по сравнению с агонией души.

Можно долго рассказывать о слезах и страданиях, но суммирую в трех словах: меня больше нет. Меня, такой, какой я была, какой хотела быть, нет. И уже не будет никогда.

Не щадя себя, признаюсь, что я слабая. Все эти годы гордилась своими решимостью и бесстрашием, а перед лицом трагедии – сдалась. Сдулась, как шарик, забытый в конце детского праздника. Во время похищения я боролась, пиналась, кусалась. Даже плевалась. А уж гневные речи, с которыми я выступала, запомнятся надолго, и не только мне. Вернувшись домой, я сошла на нет. Вышла из игры и замуровала двери, ведущие обратно.

Меня продержали на складе несколько дней, чтобы я уже никогда не смогла восстановиться до прежнего уровня. С каждым днем шансы на полное восстановление падали. Как и предсказал Василий, как только меня отпустили, я побежала в больницу.

Хирургу хватило одного взгляда на повреждения, чтобы сделать правильные выводы.

– Тебя намеренно покалечили! Это сделал профессионал, перерезал только сухожилия.

– Я сделала это сама, меня хорошо обучили.

Хирург поджал губы и резанул меня взглядом.

– Значит, так, Лера: сначала операция. Я сделаю все возможное, но ты и сама понимаешь: прошло слишком много времени для полного восстановления. После операции займемся остальными вопросами – полиция и все такое. Там и разберемся, кто это сделал и почему. Устраивает?

Я медленно кивнула и отвернулась.

– Я постараюсь, Лера! – пообещал хирург голосом, охрипшим от пронзительной искренности.

Операция – ювелирная пластика сухожилий – заняла несколько часов. Сухожилия зашили, а что делать с моей душой? Той самой, которая уверена на сто процентов, что я никогда уже не буду хирургом? Никогда уже не буду собой.

Я не сказала правду никому, даже Ярославу Игоревичу, хотя он, конечно же, догадывался о том, что случилось. Но я не призналась.

Он плакал. Великий хирург, тиран, язва, сложный человек – мать твою – плакал, глядя на мою руку. Ругался словами, которые я не посмею повторить, и со всей дури пинал стену. А потом обнял меня и долго стоял, всхлипывая.

Все они могли бы мне помочь – полиция, психиатры, физиотерапевты. Хорошие люди, желающие мне добра.

Но я им не позволяю. Не верю. Никому.

Я использую версию Седова. Да, я порезала себя сама, не выдержала рабочего стресса, а то, что сделала это профессионально, так на то я и хирург. Сначала не хотела лечиться, а потом передумала. Вот и вся история, добавить нечего. Хоть одна польза от Седова – освидетельствование его психиатра избавило меня от части проблем.

А теперь я хочу, чтобы меня оставили в покое. Не допрашивали, не лечили, а просто отпустили. Думать. Существовать. Решать, что делать дальше.

Сражаться и выступать против Седова глупо и опасно. Кто я – и кто он. Всесильный мстительный безумец. Он сделает именно так, как обещал, – искалечит мою вторую руку, и никто не сможет меня защитить. Более того, он... нет, не буду оправдываться. Молчать – мое право.

Никто не узнает всей правды. Никто не добьется от меня ни слова.

Я выиграла.

Нет, не я. Василий Седов.

А я сдалась.

И потянулись мрачные недели, словно в моей душе выключили свет. Когда меня навещают коллеги, становится только хуже. Они стараются мне помочь, но не знают, как. Даже Пашка. Особенно он. Не может на меня смотреть, прячет взгляд в букетах никому не нужных цветов, увядающих, как только они попадают в мою безрадостную квартиру.

Другие коллеги тоже маются. О работе говорить боятся. Силятся вспомнить телевизионные передачи, фильмы, международные новости. Обсуждают мою квартиру, съемную, крохотную, в которой не хватает воздуха для тяжких вздохов посетителей. Вскользь упоминают семьи, детей, питомцев – все то, чего у меня нет. Больше говорить не о чем.

Почему бы не оставить меня в покое? Зачем топтаться в дверях и твердить, отводя взгляд: – Ты это... держись... не раскисай... такое с любимым может случиться...

Неужели? Прямо-таки с любимым?

Или еще хуже:

– Ты была одной из лучших. Кто знает, может, еще вернешься...

И неловкий взгляд в сторону, чтобы не смотреть в мои пустые глаза.

Я несправедлива. Коллеги стараются мне помочь, искренне, изо всех сил. Поддерживают меня, бывшего хирурга. Женщину, которая порезала свое запястье, не справившись со стрессом на работе. Они дружно желают мне добра, но от врачебных слов и нервного сочувствия становится только хуже. Намного.

Они примеряют на себя мое горе и содрогаются, и я ощущаю эту дрожь всем телом.

Они стараются мне помочь, а я им мешаю.

Я хочу быть одной из них, веселой и щедрой, и поддерживать заболевшую приятельницу. Я не хочу быть собой.

Когда коллеги заваливаются в мою квартиру группами, с пищей, десертом и выпивкой, становится еще хуже. Присутствие толпы – это залог безопасности. Так им намного легче улыбаться и притворяться, что все хорошо. *Что я выгляжу бодрее, чем на прошлой неделе. Что у меня улучшился цвет лица.*

В такие моменты мне не хватает места в собственной квартире.

Здесь душно. Веселая компания *душит*. Я целыми днями лежу в постели, а чужое веселье нарушает мой покой. Да, у меня депрессия. Да, такое случается после операции, а я перенесла целых две, если считать надругательство Василия Седова. Самое страшное то, что я потеряла силу воли. Если бы я была такой, как Станислав Седов, я бы все смогла, не сдалась, не сдулась. Но – увы. Прошли недели, а я так и не вернулась к врачу, не явилась на реабилитацию. Запустила себя. Ношу мою бесполезную руку перед собой, как трофей. Как предвестник конца. Белый флаг моей жизни.

Гости шумят. Пьют шампанское, шутят, переходят из комнаты в кухню и обратно. Создают надоедливый фон, призванный отвлечь меня от грусти.

Тихо приоткрыв входную дверь, я выхожу на лестницу. Никто не замечает моего ухода, им без меня легче. Я не поддаюсь их участливому веселью, их утешительным словам, их дурашливому торможению. Как и большинство врачей, я невыносима в роли больной.

Спускаюсь на этаж ниже, чтобы знакомые не заметили меня, если откроют входную дверь. Замираю на последней ступеньке и хватаюсь за стену в поисках опоры.

Задыхаюсь от страха. Колючие слезы застилают глаза.

Передо мной мужчина из лифта. Мерзавец, связавший меня перед операцией. Неужели это не конец?! Неужели Седову недостаточно свершенной мести? Мне не скрыться от его людей. Они найдут меня и снова отомстят, мне и остальным.

Лучше уж сразу.

Сморгнув слезы, я подхожу к мужчине и встречаю опасность лицом к лицу. Вернее, лицом к спине, потому что, глянув на меня, он отворачивается. Сидит на низком подоконнике лестничного пролета и смотрит в грязное окно. Рядом с ним консервная банка, старая, уже не разглядеть от чего. То ли консервированные помидоры, то ли фасоль. Сейчас в ней только пепел и окурки.

Страх испаряется так же быстро, как и появился. Мои эмоции давно уже истощились до предела. Классические фазы горя – шок, отрицание, гнев – закончились, и на меня снизошли тоска и безнадега. Затянули меня как болото, а на острые эмоции не осталось сил.

– Что ты здесь делаешь? – требую хриплым голосом.

– Зашел убедиться, что ты не наделала глупостей.

Не наделала глупостей. Интересный выбор слов.

Он так и не поворачивается ко мне, смотрит в окно – серое, в дождевых потеках и плевках пепла.

– Я не наделаю глупостей. Можешь передать Василию Седову, что я никому не жаловалась.

– Я не об этом, а о твоём состоянии.

Он не имеет права мной интересоваться. Сочувствующий хищник волнуется о благополучии жертвы?

Хочу вцепиться ногтями в его лицо. Где он был все это время?! Почему не появился, когда меня калечили?

– Какого черта ты напал на меня в больнице? Связал, запер и вел себя как дикарь. Почему ты не хотел пускать меня на операцию?

– У меня было плохое предчувствие.

– В лотерею не пробовал играть? У тебя интуиция на высоте.

Яркий, заметный мужчина. Не красавец, но черты лица крупные, интересные. А главное – внутренняя сила. Видна во всем – в повороте головы, в осанке, в развороте плеч. Уверенность и решимость. Мне бы занять у него хоть чуть-чуть, на время. Чтобы по собственной воле слезть с дивана.

Осмотревшись, мужчина вздыхает.

– Василий был взвинчен до предела, а в таких ситуациях он невменяем, особенно с женщинами. Я подслушал твой разговор с заведующим и узнал, что ты один из хирургов Стаса. Меня как ударило – понял, что Василий к тебе прицепится. Что бы ни случилось, даже если все пройдет хорошо, он найдет в чем обвинить. Ему нужна жертва, понимаешь? Он не умеет справляться с горем. Пока не накажет кого-нибудь, не успокоится. А ты... светилась как маяк. В тебе столько жизни и энергии, прямо через край, даже посторонним достается. Для Василия это как мишень на лбу. У него сложные отношения с женщинами. Четвертая жена в суд подала, пятая сбежала, а остальные... много слухов ходит. Я предчувствовал, что случится что-то очень плохое, вот и сделал первое, что пришло в голову. Запер тебя. Сам на самолет опаздывал по срочному делу. Не брать же тебя с собой, вот и запер. Велел охраннику выпустить тебя через час. К тому времени тебе бы уже нашли замену.

– Мог бы сказать правду. Дескать, отец больного крайне опасен и ненавидит женщин, особенно таких, как я. Даже если все пройдет хорошо, он меня покалечит, чтобы отомстить судьбе за аварию сына. Я бы поняла... постаралась бы понять!

Впервые за эту встречу мужчина смотрит прямо на меня. Щурится, будто и вправду решает, не допустил ли он ошибку.

– Ты бы поверила мне и отказалась оперировать?

Приходится признать правду.

– Нет, не отказалась бы. Как только мне удалось избавиться от кляпа, я позвала на помощь и сразу поспешила в операционную. Ни за что бы не отказалась от операции, даже больничной охране не пожаловалась.

– Зря.

– Уже знаю, что зря.

– Вот и я решил, что ты не откажешься от операции, поэтому и связал тебя. Плохо связал. А теперь вот вернулся в город и узнал о том, что случилось.

Мы молчим. Я прислонилась к стене, он снова смотрит в окно. Покачивает ногой. Уже не вызывает во мне странную реакцию, как при первой встрече в лифте. Не знаю, что это было. Наверное, придется верить в судьбу, ведь она пыталась меня предупредить, а я не прислушалась. Не поняла предупреждения.

– Ты работаешь на Василия Седова?

Молчание в ответ. Я и так знаю, что работает. Он только что признал, что Седов-старший – законченный мерзавец, но его это не смущает. Все они в одной связке, преступники. Теперь я верю всем ходящим о Василии слухам, даже самым жутким.

– После операции Василий искал человека по прозвищу Ад, который улетел к невестке из-за брата. Он говорил о тебе?

– Да.

– Почему тебя так называют?

– Андрей Денисов.

– Ага, Ад. Забавно.

– Обхохочешься.

– Ладно, ты убедился, что я не наделала глупостей. Больше не приходи. Никогда, ладно?

Поднявшись, Ад собирается уйти, но задерживается. Недовольно хмурится и кивает в сторону моей квартиры.

– У тебя веселая вечеринка.

– Ага, обхохочешься.

– Ты сбежала с собственной вечеринки? Куришь?

– Нет. Вышла проветриться.

– Здесь воняет старыми окурками.

– Так пахнет чужое одиночество. – К моему удивлению, я сказала это вслух.

– Дело не в одиночестве, а в отсутствии балкона. Те, кому негде курить, выходят на лестницу. Если тебе хочется одиночества, выгони своих знакомых.

– Не могу, мне положено их любить, потому что они желают мне добра. Уходи, Андрей, и больше не возвращайся!

– Зови меня Ад, чтобы между нами не было никакого недопонимания. Я ад, Лера. Помнишь, какими словами ты обзывала меня в больнице? Ты не ошиблась. Не ищи во мне хорошего.

Волна паники касается лица, ледяными щупальцами сползает на шею. Легкая, проходящая паника. На большее не осталось сил.

– Я не представляю угрозы для Василия. Я ничего не рассказала полиции и не собираюсь.

– Рука заживает? – ловит взглядом мои застывшие пальцы.

Завожу загипсованную руку за спину и отступаю к лестнице.

– Прощай, Ад! Больше не приходи.

Он уходит, а я сажусь на подоконник и смотрю, как он запрыгивает в черный внедорожник. В потертых джинсах и кожаной куртке он кажется обычным мужиком, а не наглым преступником, неспособным смирить своего психованного работодателя.

Коллеги расходятся, унося с собой смех и легкое опьянение, а я ложусь спать. Я всегда любила спать, поэтому и проспала в тот знаменательный день. День моего конца.

Когда ты на больничном, необязательно рано вставать. Не надо запрыгивать в душ в полусонном состоянии, есть на ходу, ругаться в набитом общественном транспорте. О деньгах волноваться рано. Мне дали скидку, как сотруднику, и страховка покрыла стоимость операции. Сбережений хватит на какое-то время. Я подрабатывала как могла, копила на собственную квартиру. Это было в прошлой жизни.

Когда ты на больничном, можно проснуться в десять утра и смотреть телевизор. Ткнуться носом в пустой холодильник и пожевать сухую овсянку. Зайти в душ, простоять в нем полчаса, покачиваясь под музыку воды, и забыть кондиционер для волос. И шампунь. И полотенце. Вернуться на диван, оставляя за собой лужи. Можно позволить себе погрузиться в горе и нырять все глубже и глубже. Наслаждаться саморазрушением.

А потом вскрикнуть от неожиданности, когда в полуденной тишине квартиры раздается дверной звонок. Снова и снова. Телевизор все громче, и звонки тоже. Трель режет слух сталью скальпеля. Хирургического.

Неужели не понятно, что я не собираюсь открывать?!

Пришлось открыть. Куда денешься, если начали сносить дверь?

Ад.

Какого дьявола?! Мы же вчера попрощались? Я бы испугалась, но нет сил.

Ад вваливается в квартиру и, бросив на меня вопросительный взгляд, обходит лужи на полу. Пусть думает что хочет, мне все равно.

– Всемирный потоп? – усмехается и ныряет в холодильник. – Негусто тут у тебя. Друзья все подъели?

Закрывает окно на кухне, стряхивает снежинки с подоконника и смотрит, как они тают.

Так и стоим. Он полностью одетый, у окна. Я в мокром халате, в дверях.

– Лекарства принимаешь? – спрашивает через плечо.

– Какого дьявола...

– Просто ответь, Лера!

– Только обезболивающие, когда надо. – Отвечаю неохотно, но мне любопытно, с какой стати он этим интересуется.

– Где ты хранишь лекарства?

Холод сжимает горло, царапает, но это всего лишь слабый отголосок страха.

Ад не ждет ответа. Сканирует взглядом кухню, находит лекарства в корзинке около чайника и кладет в карман.

– Ты едешь со мной.

– Нет! Нет-нет-нет! Оставь меня в покое!

Пячусь из кухни, готовлюсь к побегу. Босая, мокрая. Отчаявшаяся.

Ад надвигается на меня, припечатывая каждым шагом. Останавливается, и я нервно сглатываю, не зная, чего ожидать.

– Высуши волосы! – Отодвигает меня к стене и проходит в комнату, единственную в моем незамысловатом жилище. Квартира маленькая, но мне хватает. Моя жизнь в больнице.

Вернее, *раньше* моя жизнь *была* в больнице. Теперь я... теперь я не знаю, где... я вообще ничего не знаю.

Осмотрев комнату, Ад выключает телевизор и поворачивается ко мне.

– Хочешь, чтобы я высушил тебе волосы?

– Пошел ты!

Открывает шкаф, достает что попало – юбки, брюки, футболки. Бросает на диван бесформенной кучей.

– Мне нужен чемодан или мешок для мусора! – требует.

Я усаживаюсь на диван и смотрю в окно. Я ослабла, на овсянке долго не протянешь, да и на вечеринке не прикоснулась к еде. Драться с Адом я не собираюсь, да и не смогу. Спорить тоже. Остается одно: бездействие. Следовать его приказам я уж точно не стану. Запахну промокший халат потуже и буду смотреть в окно.

Ад возвращается из кухни с большими мешками для мусора и пихает в них мое добро. Выворачивает ящик с нижним бельем в один из мешков.

Интересное такое похищение, отличается от прошлого. В этот раз меня забирают вместе с вещами, а значит, надолго. Причем похититель сам пакует мои вещи (кидает их в мешки для мусора) и требует, чтобы я высушила волосы.

Как говорится, похищение похищению рознь.

– Если сама не соберешь шампуни и всякую бабскую хрень, то будешь пахнуть моим гелем для душа. Я цветочную дурь дома не держу, и расчески у меня тоже нет.

Я не двигаюсь с места.

Собрав одежду, Ад окидывает меня критическим взглядом, копается в ближайшем мешке и бросает мне тренировочный костюм.

– Одевайся!

Как сделать, чтобы он отстал? Я сама наведу порядок, разложу вещи по местам, только пусть он уйдет. А то либо разрыдаюсь, либо попытаюсь вцепиться ему в лицо. В любом случае ничем хорошим это не закончится.

– Без проблем, Лера, тогда я сам тебя одену. – Дергает за ворот мокрого халата, обнажая плечо, и я тут же отползаю в сторону, размахивая руками. Живенько так отползаю, на удивление быстро. Откуда только силы взялись?

– Отстань! – кричу со слезами в голосе. – Я сама оденусь. А ты пока...

– Что я пока? – интересуется Ад с намеком на ухмылку. Так бы ему и врезала... а потом... еще раз врезала... и чтобы царапины по всей наглой морде. Кровоточащие. У меня и ногти как раз отрасли.

– А ты пока убирайся отсюда и не возвращайся!

– Это не вариант. Ты поедешь со мной, Лера. Когда научишься о себе заботиться, тогда и вернешься домой. До какого состояния себя довела! Смотреть страшно!

Ох, как я подпрыгнула на диване! Ох, как разозлилась! Однако вспышку гнева заглушило осознание того, что Ад прав. Я действительно не забочусь о себе, совсем. Но это не дает ему права вмешиваться.

– Одевайся, Лера, а я пока посмотрю, что взять из ванной комнаты. Делаю скидку на то, что ты вчера напилась на вечеринке, поэтому собираю твои вещи сам. Но больше не потерплю неподчинения. Поняла?

Да уж, напилась. Скажет тоже!

– Повезешь меня к Василию, чтобы он искалечил левую руку?

Ад не отвечает, берет очередной мешок и направляется в ванную. Судя по звуковым эффектам, он не церемонится – сметает флаконы с полок и вытряхивает содержимое ящичков в мешок. Слов нет! Собрались в дорогу, короче.

Я переодеваюсь с неслыханной скоростью, нервно косясь на приоткрытую дверь. Ад заходит в комнату с моим пальто, шапкой и полотенцем.

– Не хочешь сушить волосы феном, вытри досуха.

Скалюсь на него, не скрывая неприязни. Кого он из себя строит? Доброго самаритянина? Седов искалечил меня, разрушил мою жизнь, а теперь Ад притворяется защитником. Он! Работает! На Седова! Они одинаковые! Преступники!

Отодвигаюсь в сторону и выплевываю с ненавистью:

– Пошел вон!

– Именно это я и собираюсь сделать, но только вместе с тобой. Высуши волосы! – Дергает меня за плечо и тут же отступает, увидев гримасу боли на моем лице. – Извини! Я с бабами не нянчусь, так что лучше не зли меня.

Я уже приноровилась все делать левой. Хирургам в этом смысле легче, обе руки всегда в работе. Но Аду незачем об этом знать. Пусть смотрит, как я мучаюсь из-за его начальника. Вешаю полотенце на правую руку, прямо на гипсовую повязку. Еле удерживая, вазюкаю полотенцем по голове под тяжелым взглядом Ада. Он протягивает руки, собирается помочь, но потом отступает. Боюсь представить, как бы он сушил мои волосы. Небось скальп мне снял бы, «случайно».

– Шапку надень!

Смотрю на него сквозь темную сеть мокрых волос и натягиваю шапку. Бабушка связала ее год назад. В другой жизни, когда я была хирургом. Подающим надежды.

Ад смотрит на мою руку и кривит рот. Неподвижные пальцы виднеются из-под края гипса, и он тарашится на них, взбалтывая мою злобу. Пытаюсь спрятать руку, но он удерживает силой и приказывает:

– Подвигай пальцами!

Отворачиваюсь и разглядываю высыхающие лужи в коридоре. Не собираюсь слушаться Ада, пусть прекратит пялиться на мою руку. Пальцы еле двигаются, спасибо его заботливому начальству.

– Ты делаешь упражнения?

– Какие еще упражнения? – придуриваюсь. Хочу, чтобы он ушел и оставил меня в покое, но я слишком ослабла от голода и горя, чтобы оттолкнуть его и сбежать.

– Хоть какие-нибудь! Тебе назначили целую программу реабилитации – физиотерапию, массаж, лечебную гимнастику, да и гипс пора снимать. А ты не явилась ни к врачу, ни на процедуры и совсем запустила свое здоровье. Ты хоть что-нибудь делаешь?

– Ты слишком много знаешь. Прекрати лезть в мою жизнь!

Мне стыдно. В этот момент мне впервые становится стыдно из-за того, что я позволила себе распасться на части. Я восхищалась Станиславом Седовым и его непобедимым оптимизмом, а сама сдалась без боя.

Мне стыдно смотреть на Ада. Он видел меня другой, пышущей жизнью и счастьем, а теперь...

Но нет, только не жалость! Все что угодно, только не яд снисходительного сочувствия! Пусть лучше искалечат левую руку.

– Я не хочу с тобой ехать!

– У тебя нет выбора.

– Ты меня достал. Совсем. До предела.

– Это радует. Будем поддерживать бодрящий уровень неприязни в наших отношениях.

– Куда ты собираешься меня везти? Только не говори, что там будет Василий Седов.

– Нет, не будет. Мы поедем ко мне на дачу.

– За грибами?

Ветер швыряет в окно охапку рыхлого снега, и Ад усмехается.

– Точно, за грибами.

– Ладно, подожди!

Неохотно соскабливаю себя с дивана и иду на кухню.

Беру с собой домашнюю аптечку и защитную пленку для гипса. Останавливаюсь и неуверенно смотрю по сторонам. Что берут с собой во время похищения? Оружие? Ведь могу взять нож, выйти в коридор и приставить его к горлу Ада. Отомстить в его лице всем, кто разрушил мою жизнь: Василию Седову, охране, хирургу-мучителю.

Кладу руку на холодную рукоять ножа. Сжимаю.левой рукой не так удобно, но справлюсь. Могу ударить Ада в спину. Ведь могу же, правда?

Закрываю глаза, представляя свои действия. Захват, черная рукоять в руке, блеск лезвия. Замах – и...

– У меня очень много дел, Лера. Очень! На то, чтобы попытаться меня убить, у тебя меньше минуты. Потом поедem на дачу.

– Я не...

Вздвогнув, роняю нож в раковину.

– Вот именно, что «не». Готова?

– Зачем ты меня похищаешь?

– Похищаю? – Ад смеется так искренне, как будто это шутка года. – Если тебе так легче, то скажем, что я тебя похищаю. Почему бы и нет? Меня давно не пытались убить, скучно живется, а с тобой появится развлечение.

Кажется, я сейчас взорвусь от гнева. Прикусываю губу и выхожу в коридор.

Хмурясь, Ад смотрит, как я надеваю пальто. С трудом просовываю гипс в узкий рукав и удерживаю пальто на груди, не застегивая. Ад приоткрывает рот, показывая на пуговицы, потом бурчит что-то злое и выкидывает мое добро в мешках на лестницу. Флаконы звенят на бетонном полу лестничной площадки, запах духов ударяет в нос. Одна из бутылочек разбилась, теперь все пропахнет, да и ладно. Мне плевать. Пусть бросит все мешки в мусоропровод, и тогда я стану свободной. Совсем. Без единого якоря, без имущества, связей и обязанностей.

Свобода – это хорошо. Свобода мне нравится.

Только провалившись в пустоту, ты научишься ценить почву под ногами.

Я не могу найти себе места. Ни во внедорожнике Ада, который немного похож на машину, в которой меня похитили. Ни в магазине, в который Ад тащит меня перед выездом из города. С ума сойти! Мы едва знакомы, а он насильно забирает меня к себе и заставляет идти в супермаркет. Тащит за собой через всю парковку, бормоча что-то по поводу бесполезных баб.

Огни оживленного магазина отзываются резью в глазах.

Ад заходит в буфет и встает в очередь, как примерный гражданин. Пусть не притворяется: такие, как он, не ждут, чтобы получить желаемое. Они берут, не заботясь о последствиях.

– Лера, тебе надо перекусить. Ты еле держишься на ногах. Выбирай бутерброд! – говорит Ад и вопросительно смотрит на меня. Продавщица тоже. Кажется, весь окружающий мир осуждает меня за насупленное молчание.

Отступаю к лестнице и спускаюсь вниз. Ненавижу, когда меня кормят, когда относятся снисходительно, как к ребенку. Я всегда все делаю сама.

Голова кружится, и я неловко хватаюсь за перила. Нога соскальзывает, и – ох! – я приземляюсь на ступеньку. Ад стоит на лестнице за моей спиной, не помогая и не комментируя падение, и впервые за этот день во мне зарождается благодарность. Если бы он отругал меня, я бы разрыдалась. Прямо на лестнице, при посторонних. Поэтому хорошо, что он молчит.

Ад проходит мимо, оставляя меня сидящей на ступенях. Выбирает самую большую тележку семейного размера и заявляет приказным тоном:

– Выбирай еду на неделю!

Мне! *Мне* приказывает! Валерии Леоновой, которая испокон веков покупает еду только в больничной столовой, а дома питается урывками и без особого шика.

– Ты же баба, – поясняет для особо тупых.

– Надо же, от тебя и это не укрылось!

С этим напутствием мы двигаемся вперед по супермаркету. С продуктовой тележкой Ад выглядит нелепо, ему не к лицу обыденная жизнь. Суровый мужчина с темным, цепким взглядом, он вызывает опаску. Заставляет обходить его стороной. Классический плохой парень, который ведет себя странно. Достает из кармана апельсиновый сок и бутерброд с колбасой и сыром. Протягивает мне, нетерпеливо потряхивая рукой.

– Ешь!

Значит, он таки купил мне еду в буфете.

Вздыхнув, беру предложенное, быстро заглываю и даже выдавливаю из себя «спасибо».

Я не люблю кривляться и устраивать сцены, но каждый взгляд Ада пробуждает в памяти жуткие ассоциации. Поэтому я не могу не бунтовать, не могу притворяться, что мне приятно его вмешательство в мою жизнь. Однако стараюсь сдерживаться. Наверное, потому, что на похищение это не похоже. Я могу уйти прямо сейчас, могу позвать на помощь и вызвать полицию. Однако... ничего этого не делаю. Мне не хочется возвращаться в квартиру, где живет отчаяние. Меня заинтриговало поведение Ада, его мотивы. Ругаться с ним интереснее, чем тонуть в тоске и безнадее. Скоро я сбегу от Ада и начну жизнь сначала, а пока...

Нам предстоит купить еду на неделю.

– Я не знаю, что ты ешь, – говорю, разглядывая переполненные полки.

– Я всеядный. А ты?

– Тоже.

Вот и познакомились.

Представляю выражение его лица, когда я предложу ему сухую овсянку!

– Ад, я не умею готовить.

В ответ он ругается, обзывает меня беспомощной обузой. Перед моими глазами красная пелена гнева. Еле сдерживаюсь и отстаю на пару шагов, чтобы не подражаться с ним в общественном месте. Шансов победить у меня нет, однако удар гипсом по голове запомнится надолго.

Ад не виноват в моей трагедии, но какого черта он ко мне лезет и при этом ругается? Для меня он навсегда связан с Седовым, и каждое напоминание о случившемся вызывает нестерпимую боль. Как пульсирующий нарыв.

– Научись готовить! – заявляет он.

– Ну да, запишусь на курсы идеальных жен.

Ад не реагирует на мой жалкий юмор и толкает тележку в отдел косметики.

– Кремом я не питаюсь, – острою, но послушно следуя за ним.

Он кидает в тележку пару тюбиков крема и направляется в отдел игрушек. Игрушек! Раздраженно сканирует полки, матерится, потом подхватывает упаковку теннисных мячей и смотрит на меня с немимым вопросом.

– В теннис будем играть? – вопрошаю раздраженно.

Похоже, Ад совсем свихнулся.

– Тебе эти мячи подойдут?

– Для чего?

Ругнувшись, он достает из внутреннего кармана стопку бумаг – копию моей медицинской карты. Для людей Седова не существует никаких правил этики. Чудовищно! Мало того,

что Ад добыл конфиденциальные медицинские документы, так еще и умудрился сделать это в выходной день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.